

Munich Personal RePEc Archive

Towards a general theory of social and economic development: evolution of coordination mechanisms

Polterovich, Victor

CEMI RAS, MSE MSU

24 July 2018

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/88164/>
MPRA Paper No. 88164, posted 24 Jul 2018 13:18 UTC

К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. М. Полтерович

ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ

Аннотация

Предлагается новый подход к пониманию социально-экономического развития, основанный на рассмотрении эволюции механизмов координации. Работа состоит из двух частей. В первой части дан критический анализ четырех недавно предложенных теорий общественного развития, ставящих во главу угла географические, институциональные или культурные факторы. Эти теории существенно обогатили наше понимание эволюции общества, однако, как показывает анализ, ни одна из них не дает удовлетворительного описания движущих сил и механизмов этой эволюции; главная причина коренится в их общем недостатке – монокаузальности. Предлагается различать два типа развития, догоняющее и лидирующее. Излагаются основные идеи теории догоняющего развития, позволяющей объяснить явление «экономического чуда» как результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния в контексте взаимодействия механизмов власти и сотрудничества.

Вторая часть статьи посвящена теории лидирующего социально - экономического развития. Показано, как в Западной Европе в результате взаимодействия перечисленных выше четырех факторов на каждом этапе эволюции возникали конкретные формы и сочетания трех основных механизмов координации – конкуренции, власти и сотрудничества. Акцентируется важность идеологии и феномена технического прогресса в формировании институтов экономической и политической конкуренции, способствовавших становлению государства всеобщего благосостояния. Эти изменения и экономический рост создали условия для дальнейшей трансформации гражданской культуры: повышения уровней доверия, толерантности, альтруизма и космополитизма, расширения планового горизонта. Демонстрируется снижение уровня принуждения, встроенного в механизмы власти и конкуренции, и расширение роли сотрудничества. Выдвигается гипотеза о том, что скорость этих процессов зависит от географических факторов. Обсуждается идея мира всеобщего благосостояния.

Ключевые слова: инклюзивные и экстрактивные институты; порядки ограниченного и свободного доступа; цикл эмансипации; насилие; рента; власть; конкуренция; сотрудничество, промышленная революция, государство всеобщего благосостояния, гражданская культура

Классификация JEL: B4, B52, D7, H1, N4, O14, P5, P11.

TOWARDS A GENERAL THEORY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT: EVOLUTION OF COORDINATION MECHANISMS

V. M. Polterovich

CEMI RAS, MSE MSU

A new approach to understanding social and economic development is proposed, based on consideration of the evolution of coordination mechanisms. The work consists of two parts. In the first part, a critical analysis of four recently proposed theories of social development, focusing on geographical, institutional or cultural factors, is given. These theories have greatly enriched our understanding of the evolution of society, however, as analysis shows, none of them provides a satisfactory description of the driving forces and mechanisms of this evolution; the main reason is rooted in their common shortcoming - monocausality. It is proposed to distinguish between two types of development, catching up and leading. The basic ideas of the theory of catching-up development are presented. This approach makes it possible to explain the phenomenon of the "economic miracle" as a result of mutually conditioned changes in culture, institutions, technological progress and well-being in the context of interaction of competition, power and collaboration mechanisms.

The second part is devoted to the theory of leading socioeconomic development. . It is shown how in Western Europe, as a result of the interaction of the above four factors, specific forms and combinations of the three main mechanisms of coordination - competition, power and cooperation - emerged at each stage of evolution. I emphasize the importance of ideology and the phenomenon of technical progress in the formation of institutions of economic and political competition that contributed to the creation of the welfare state. These changes and economic growth created the conditions for further transformation of civil culture: increasing levels of trust, tolerance, altruism and cosmopolitanism, expanding the planned horizon. The decrease in the level of coercion built into the mechanisms of power and competition are demonstrated as well as the expansion of the role of collaboration. A hypothesis is advanced that the speed of this process depends on geographical factors. The idea of welfare world is discussed.

Keywords: inclusive and extractive institutions, limited and open access orders, cycle of emancipation, violence, rent, power, competition, collaboration, industrial revolution, welfare state, civic culture

JEL Classification: B4, B52, D7, H1, N4, O14, P5, P11.

Часть 1. География, институты или культура?

1.1. Введение

В последние 20 лет наблюдается новый тренд в развитии экономического знания, а возможно, и общественных наук в целом: увеличение числа меж- и мультидисциплинарных исследований и публикация ряда работ, претендующих на разработку общей теории социально-экономического развития. Наиболее ярким проявлением этого тренда явились четыре концепции, принадлежащие Д. Даймонду (Даймонд, 2010), Д. Норту, Дж. Уоллесу и Б. Вейнгасту (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011), Д. Аджемоглу, Дж. Робинсону (Аджемоглу, Робинсон, 2015) и К. Вельцелю (Вельцель, 2017). (Оригиналы работ появились, соответственно, в 1997, 2009, 2012 и 2013 г.). Все теории используют результаты многих смежных дисциплин, однако первая и четвертая из них противостоят друг другу и двум остальным. Даймонд настаивает на примате географических факторов, Норт, Уоллес, Вейнгаст, так же как и Аджемоглу и Робинсон, используют чисто институциональный подход, а Вельцель стремится показать, что решающую роль в социально-экономическом развитии играет гражданская культура, а вовсе не институты.

Все четыре теории получили широкую известность и породили активные дискуссии. Особенно интенсивная полемика возникла в связи с отрицанием Аджемоглу и Робинсоном важности географических и культурных факторов; критики обратили также внимание на многочисленные неточности и противоречия, содержащиеся в их работе (Diamond, 2012a, 2012b, Fukuyama, 2012, Арсланов, 2016). Впрочем, ряд авторов, отмечая недостатки теории инклюзивных-экстрактивных институтов, рассматривают ее как фундаментальное продвижение в теории социально-экономического развития (Заостровцев, 2014, Натхов, Полищук, 2017a,b, Балацкий, 2017). В работе Балацкий, Плискевич (2017) авторы пытаются уточнить эту теорию, чтобы сделать ее применимой к российским реалиям.

По мнению А. П. Заостровцева Норту, Уоллису и Вайнгасту благодаря отказу от «базовых постулатов экономического мейнстрима» удалось предложить «принципиально от них отличную методологию изучения общественной динамики, которая превосходит все, что предлагают современные экономические теории развития» (Заостровцев, 2013, с.141). В статье Заостровцева даны ссылки на ряд других работ, где обсуждается теория Норта-Уоллеса- Вейнгаста.

Дискуссия между сторонниками примата институциональных и географических факторов в объяснении экономического роста, хотя и вне связи с теорией Даймонда, отражена в работе Кирдина (2016).

Вельцель прямо полемизирует с авторами институциональных теорий, утверждая, что гражданская культура, а отнюдь не институты является доминирующим фактором социально-экономического развития; этот тезис он подтверждает эконометрическими расчетами.

Настоящая работа состоит из двух частей. Задача первой части – сопоставление четырех упомянутых работ друг с другом с тем, чтобы выявить трудности, возникшие в рамках соответствующих подходов, и наметить пути их преодоления. Анализ показывает, что, несмотря на несомненную важность рассматриваемых теорий, ни одна из них не дает удовлетворительного описания движущих сил и механизмов общественного развития. Главная причина коренится в их общем недостатке – монокаузальности, стремлении объяснить становление современных западных обществ на основе лишь одного из факторов развития – географии, институтов либо гражданской культуры¹. Сами авторы в той или иной форме признают, что достигли предела объяснительных возможностей. Более того, Аджемоглу и Робинсон в недавней статье Acemoglu, Robinson (2016) пытаются компенсировать этот недостаток, введя в рассмотрение неформальные нормы. Однако, как будет показано ниже, этого оказывается недостаточно.

С указанным основным недостатком обсуждаемых теорий связаны два других. Во-первых, остается не объясненным, почему в течение тысячелетий в человеческих сообществах господствовали явно несовершенные институты и гражданская культура. Во-вторых, современные западные демократии представлены как своеобразный «конец истории»: не сделано никаких попыток выявить тенденции их дальнейшего развития.

Аджемоглу и Робинсон приводят два примера, демонстрирующих, на их взгляд, примат институтов над гражданской культурой: историю двух Корей и города Ногалес, одна часть которого принадлежит США, а другая – Мексике. Ниже будет показано, что эти примеры представляют собой два очень специфических варианта развития: репрессивную эволюцию и интеграцию региона в более развитую среду. В обоих случаях внедрение институтов, не адекватных состоянию гражданской культуры, обусловлено политическими факторами. В первом случае речь идет о насильственном снижении качества институтов, а во втором их улучшение достигается за счет внешней поддержки, которая в типичных ситуациях отсутствует. Таким образом, тезис о доминировании институционального фактора развития над культурным не подтверждается.

---

¹ Это тем более удивительно, что Д. Норт и Д. Аджемоглу, авторы институциональных теорий, в других своих работах подчеркивали роль культуры. В частности, Норт писал о важности идеологии, как фактора социальных изменений.

В настоящей работе для того, чтобы преодолеть недостатки упомянутых теорий, предлагается различать два типа развития, догоняющее и лидирующее, и рассматривать социально-экономическую эволюцию в контексте взаимовлияния трех основных механизмов взаимодействия между индивидами и организациями: конкуренции, власти и сотрудничества. В первой части после изложения основных идей и критического анализа четырех концепций излагаются основные идеи теории первого типа, опирающейся на концепцию институтов догоняющего развития (Полтерович, 2016b,c) и позволяющей объяснить явление «экономического чуда» как результат взаимообусловленного изменения культуры, институтов, технического прогресса и уровня благосостояния.

Вторая часть статьи посвящена теории лидирующего социально - экономического развития; фактически речь идет об эволюции западных обществ. Показано, как под воздействием перечисленных выше четырех факторов на каждом этапе эволюции возникали конкретные формы и сочетания трех основных механизмов координации. Акцентируется значение идеологии и феномена технического прогресса в формировании институтов экономической и политической конкуренции, которые в свою очередь способствовали становлению идеологии общественного прогресса и формированию государства всеобщего благосостояния. Эти изменения и экономический рост создали условия для дальнейшей трансформации гражданской культуры: повышения уровней доверия, толерантности, альтруизма и космополитизма, расширения планового горизонта. Демонстрируется снижение уровня принуждения, встроенного в механизмы власти и конкуренции, и расширение роли сотрудничества. Выдвигается гипотеза о том, что скорость этих процессов зависит от географических факторов. В заключении обсуждается идея мира всеобщего благосостояния.

Предлагаемая концепция в основном опирается на рассмотрение процессов, происходивших в странах Запада, начиная с XIV века, и не претендует на детальное объяснение событий, происходивших в том или ином государстве. Изучаются лишь «поворотные точки» эволюции. Проблемы развития древнего мира не затрагиваются. Стоит отметить, однако, что предлагаемая концепция подчеркивает важность ответа на вопрос, неоднократно задававшегося исследователями: «Почему идеология технического прогресса осталась вне поля зрения элиты древних государств, причем инновации нередко отвергались правителями?».

1.2. Почему Евразия опередила другие континенты: роль географических факторов

Следует отметить, что Даймонд, сторонник доминирующей роли географических факторов, ставит перед собой более узкую задачу, нежели остальные авторы. Он стремится объяснить, почему Евразия (к которой автор относит также Северную Африку вследствие их тесных связей) опередила в развитии другие континенты и породила современную цивилизацию. В связи с этим он выделяет четыре преимущества Евразии перед другими континентами.

1). Из 14 существующих ныне видов домашних животных 13 видов имели предков, проживавших исключительно в Евразии. В Южной Америке водился лишь родоначальник ламы и альпаки, а в Северной Америке, Австралии и субэкваториальной Африке не было ни одного животного, пригодного для одомашнивания. Евразия была также богаче других континентов растениями, пригодными для культивации. Поэтому Евразия существенно опередила другие континенты в развитии сельского хозяйства и, как следствие, в переходе от кочевого образа жизни к оседлому.

Благодаря развитию животноводства европейцы приобрели иммунитет к микробам, распространявшимся домашними животными. После открытия Америки миллионы ее коренных жителей погибли от эпидемий, возникших в результате контактов с пришельцами. Даймонд утверждает, что этот фактор способствовал успеху завоевателей даже в большей мере, нежели наличие у них огнестрельного оружия.

2). Евразия ориентирована с Востока на Запад, а не с Юга на Север, как Америка и Африка. Меньшие региональные климатические различия облегчали распространение новых сельскохозяйственных технологий и методов хозяйствования. Диффузия в Африке и особенно в Америке, которые вытянуты вдоль оси север-юг и разделены географическими и экологическими барьерами, происходила гораздо медленней.

3) Для диффузии между Евразией и Африкой к югу от Сахары существовали относительно благоприятные условия, в то время как Америка и Австралия были изолированы от других континентов.

4) Евразия существенно превосходила другие континенты по площади и совокупной численности населения. Это способствовало возникновению и распространению инноваций.

Аргументы Даймонда выглядят убедительными, однако его теория не касается вопроса о движущих силах и механизмах, обусловивших развитие западной цивилизации в Новое время.

1.3. Причины богатства и бедности: экстрактивные и инклюзивные институты

Согласно концепции Аджемоглу-Робинсона (AR) экономический успех или неудача той или иной системы зависит от того, доминируют ли в ней экстрактивные или инклюзивные институты.

Инклюзивные институты «разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, что позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора – где именно работать и что именно покупать – за каждым отдельным человеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 65).

Экстрактивные институты направлены на то, «чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части», они «имеют свойства, противоположные инклюзивным» (с. 66).

Экстрактивные институты столь часто встречаются в истории, потому что они могут обеспечить относительно высокий уровень благосостояния всем гражданам, перераспределив при этом большую часть доходов в пользу элиты, которая поэтому заинтересована в поддержании этих институтов. Чтобы в условиях экстрактивных институтов начался рост, требуется в первую очередь политическая централизация государства. Когда она достигнута, правительство или контролирующая его элита обычно получает мощные стимулы для того, чтобы инвестировать в экономику и развивать ее самостоятельно или создавать условия для того, чтобы это делали другие, поскольку расширение экономики увеличивает размер ренты, которую извлекает элита посредством экстрактивных институтов. С этой целью элита даже может попытаться воспроизвести некоторые атрибуты инклюзивных институтов и рынков (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 123).

Однако «экстрактивные институты не способствуют процессу созидательного разрушения ...экономический рост при таких институтах имеет естественный «потолок» и рано или поздно закончится» (с. 123), так как правители боятся прогресса.

Авторы приводят ряд примеров, иллюстрирующих этот тезис. Так, римский император Веспасиану (69–79 гг.) отказался от метода, позволявшего с гораздо меньшими затратами поднимать колонны на Капитолийский холм. Веспасиану выдал изобретателю награду, но промолвил: «Уж позволь мне подкормить мой народец».

В 1589 году англичанин Уильям Ли, придумал «станок для вязания чулок» и просил королеву Елизавету I предоставить ему патент. Елизавета отказала: «Это лишит людей работы». Она боялась, что потеря работы частью ее подданных создаст нестабильность - угрозу для ее власти. Авторы замечают, что ее «реакция иллюстрирует основную идею этой книги»: экстрактивные институты препятствуют становлению шumpетерианской конкуренции и, как следствие, - реализации новых идей.

Согласно теории AR различия между путями экономического развития, по которым идут разные страны, появились в результате сложной взаимосвязи между институциональным дрейфом - постепенным изменением институтов - и случайными точками перелома². В качестве примера такой «точки» рассматривается эпидемия чумы 1346 г., породившая дефицит рабочей силы. В результате усилились переговорные позиции работников, их зарплаты в Западной Европе стали расти, возник инклюзивный рынок труда.

Инклюзивные институты формируют «благотворную» обратную связь: их укрепление ведет к более эффективному распределению ресурсов, к технологическим инновациям, к росту активности граждан, что способствует дальнейшему совершенствованию этих институтов.

Однако на фундаментальный вопрос о том, «что нужно сделать, чтобы запустить процесс... развития инклюзивных политических институтов», авторы не дают ответа, заявляя: «подобного рецепта не существует» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 347). Революции, направленные на создание инклюзивных институтов нередко попадают под действие «железного закона олигархии» и заканчиваются «сменой одних экстрактивных институтов на другие, часто еще более губительные». Так произошло «в Англии 1688 года, во Франции в 1789-м и в Японии эпохи Реставрации Мейдзи» и во многих других странах. «Насер поклялся построить в Египте современное эгалитарное общество, а кончилось все... коррумпированным режимом Хосни Мубарака. Роберт Мугабе казался многим борцом за свободу.. в Родезии. Но институты Зимбабве не стали менее экстрактивными, а экономические показатели страны ухудшились даже по сравнению с колониальным периодом» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, 345-346).

Все же авторы перечисляют «несколько очевидных факторов», способствующих переходу от экстрактивных институтов к инклюзивным:

- наличие определенного уровня централизации государственной власти, чтобы успех общественных движений, бросивших вызов существующему режиму, не привел к немедленной анархии;

---

² Концепция очень напоминает гегелевскую теорию перехода количества в качество.

- наличие укоренившихся политических институтов, обеспечивающих определенную степень плюрализма;
- наличие институтов гражданского общества, которые могли бы координировать протестные действия населения, чтобы оппозиционное движение не было легко подавить (с. 347).

Не думаю, что этот перечень отвечает на вопрос о механизме перехода к инклюзивным институтам. По сути, утверждается, что для облегчения перехода полезно иметь институты, обладающие хотя бы в слабой степени свойством инклюзивности.

Концепция Аджемоглу – Робинсона очень похожа на опубликованную несколько раньше теорию социальных порядков Норта –Уоллеса-Вайнгаста (NWW), так что Ф. Фукуяма фактически отказывает теории AR в оригинальности (Fukuyama, 2012).

1.4. Теория социальных порядков

В теории NWW роль экстрактивных и инклюзивных институтов играют институциональные модели общественной организации, называемые социальными порядками. Авторы различают порядок ограниченного доступа (ПОД) и порядок свободного доступа (ПСД). Основной линией социально-экономического развития они считают решение проблемы насилия и задачу своей теории видят в том, чтобы показать, « как общества использовали контроль над политической, экономической, религиозной и образовательной деятельностью, для того чтобы ограничивать и сдерживать насилие на протяжении последних десяти тысячелетий».

Порядок ограниченного доступа типичен для так называемых естественных государств³. Он характеризуется политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан, наличием относительно небольшого числа организаций, контролируемых, в основном, элитой, и господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей. Для ПОД типично представление о том, что не все люди были созданы равными; в соответствии с этим формируются социальные иерархии и системы привилегий; применение законов носит избирательный характер; права собственности не защищены ((Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011,с. 54). Как правило, экономики ПОД растут медленно и чувствительны к потрясениям.

«С точки зрения современных обществ ...сети отношений патрона и клиента кажутся глубоко коррумпированными. Все построено на личных связях: круг знакомств индивида и положение его знакомых значит больше, чем то, что они делают. Такое отношение к

---

³ Определение этого понятия в работе отсутствует. Из контекста можно заключить, что естественными являются государства, институциональные системы которых являются порядками ограниченного доступа.

естественным государствам ...упускает ту роль, которую играют личность, личные связи и патронаж в сдерживании насилия в естественных государствах. Личные отношения и создание ренты обеспечивают систему стимулов, которая сдерживает насилие и делает возможной кооперацию в естественном государстве. Глубоко личный характер отношений выражает фундаментальную логику, лежащую в основе порядка ограниченного доступа» (с. 93). «...ограниченный доступ устанавливает привилегии, создает ренту и обеспечивает доверие к личным отношениям в обществе» (с. 95).

Приведенные тезисы имеют принципиальное значение для теории социальных порядков. Это подчеркивается в другой работе с несколько расширенным составом авторов: «Наш подход к анализу рент сильно отличается от принятого в литературе, ставящей во главу угла негативные аспекты рентоориентированного поведения...» (Норт и др., 2012, с. 20).

Особую роль в ПОД играют элиты. «Естественное государство снижает проблему ... насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями» ((Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 37). «Каждая из невоенных элит контролирует или обладает привилегированным доступом к жизненно важной функции, такой как религия, производство, распределение ресурсов сообщества, правосудие, торговля или образование. Поскольку ...привилегии и ренты отдельных элит в господствующей коалиции зависят от ограниченного доступа, ... элиты имеют стимулы, для того что бы поддерживать коалицию и способствовать ее сохранению» (с. 66). «Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент», они «соглашаются уважать привилегии друг друга, включая права собственности». «Так политическая система естественного государства манипулирует экономической системой для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок» (с. 37-38).

Авторы подчеркивают, что элита – партнерская, а не контрактная организация: в основе взаимодействий внутри элиты лежат договоренности, согласованные со стимулами, а не контракт, принуждаемый к исполнению третьей стороной.

«Одним из наиболее ценных источников ренты для элиты является привилегия создания организаций», которые поддерживаются государством. Тем самым «господствующая коалиция создает способ производства и распределения рент внутри коалиции» (с. 67).

Вообще говоря, элиты заинтересованы в экономическом росте. «Способность элит организовать кооперативное поведение под эгидой государства увеличивает отдачу для элит от производительных ресурсов общества— земли, труда, капитала» (с. 67).

Для порядков свободного доступа (ПСД) характерны безличные социальные взаимодействия, верховенство права, защита права собственности, отсутствие ограничений на занятие экономической, политической, религиозной и образовательной деятельностью. В отличие от ПОД, в ПСД создание бессрочных организаций не требует одобрения со стороны государства, благодаря этому формируется сильное и динамичное гражданское общество. Государство обеспечивает социальное страхование, поддерживает образование и инфраструктуру. Развита экономическая и политическая конкуренция (Норт и др., 2011, с. 54, 70, 209).

Контроль над насилием в ПСД обеспечивается благодаря тому, что силовые структуры консолидированы и подчинены политической системе, которая включает набор институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; та или иная партия или политическая группа остается у власти только при наличии широкой поддержки общества. Открытый доступ гарантирует смену власти в случае злоупотребления контролем над вооруженными силами (с. 68).

Авторы насчитывают всего около 25 современных государств с ПСД.

По сравнению с ПОД, экономика в ПСД развивается более стабильно. Индивиды и организации в обществе открытого доступа также стремятся к получению рент, однако безличная экономическая и политическая конкуренция (по Шумпетеру) приводит к их эрозии (Норт и др., 2011, с. 72).

Авторы предлагают типологию естественных государств (ЕГ) в зависимости от их способности поддерживать организации. Хрупкое государство вовсе не способно к этому, и само государство неустойчиво. Базисное государство может поддерживать только государственные организации. Зрелое государство способно кроме того поддерживать широкий ряд элитарных организаций, не находящихся под его непосредственным контролем. Переход от хрупкого ЕГ к базисному рассматривается на примерах империй ацтеков (1430 г.) и Каролингов (750 г.), эволюция которых оказывается во многом аналогичной. В качестве иллюстрации перехода от базисного ЕГ к зрелому прослеживается история Франции и Англии в XVI, XVII и XVIII столетиях.

Рассматривая проблему перехода от ПОД к ПСВ, теория социальных порядков предлагает различать «две задачи развития, которые обычно смешиваются. *Вторая* — переход от обществ с ограниченным доступом к порядкам открытого доступа.... Обычно именно этой задачей занимаются специалисты по проблемам развития: как трансформировать развивающиеся общества в современные капиталистические демократии. Однако прежде чем общества будут в состоянии трансформироваться таким образом, они сталкиваются с *первой* задачей: как улучшить социальную организацию,

чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение индивидуального благополучия граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа?» (Норт и др., 2012, с. 7).

Переход от ПОД к ПСД осуществляется в два этапа. На первом из них создаются институты, обеспечивающие возможность безличных взаимоотношений внутри элит. На втором господствующая коалиция приходит к выводу, что в ее интересах расширить сферу безличных отношений и вне ее (Норт и др., 2011, с. 75).

Для успешного перехода необходимо выполнение трех пороговых условий.

1. Верховенство права для элит. 2. Существование бессрочных общественных и частных организаций. 3. Консолидированный политический контроль над вооруженными силами, так что решения о финансировании и начале войн принимают гражданские лица.

После достижения пороговых условий переход от ПОД к ПСД занимает около 50 лет. В Великобритании и США он произошел между 1800 и 1850 гг. Более быстрый переход наблюдался в Испании после 1975 г.

Переход от ПОД к ПСВ на основе прямолинейного заимствования институтов невозможен. После отмены существовавших рент нередко вместо конкурентной рыночной экономики возникает общество с высоким уровнем преступности, где рентоориентированное поведение играет еще большую роль. «Политика на основе порядков открытого доступа ...снижает способность естественного государства контролировать насилие. Таким образом, подобные перемены угрожают сделать жизнь людей хуже, а не лучше» (Норт и др., 2011, с. 437). Расцвет мафии в России 1990-ых является убедительным примером.

Для долгосрочного развития ПОД важно, могут ли ренты стимулировать образование и рост производственного потенциала. Положительное влияние рент на производство (помимо предотвращения насилия) наблюдалось во многих странах: в Чили, в Южной Корее, временами в Мексике, Бангладеш и Индии. (Норт и др., 2012, с. 28). Очевидный пример – государственная поддержка крупных фирм в периоды экономического чуда, в частности, чеболей в Южной Корее, которые благодаря этому «добились успехов в конкуренции на мировых рынках. Впоследствии правительство смогло сократить особые экономические привилегии чеболей...» (Норт и др., 2012, с. 30). «... естественные государства не больны. У естественных государств есть своя собственная логика; они не дисфункциональны» (Норт и др., 2011, 445).

Отсюда следует важный вывод: «... гораздо полезнее помогать обществам с ограниченным доступом, чтобы их (независимые – В.П.) организации становились сильнее и подчинялись правилам, нежели пытаться установить полностью открытую

экономическую и политическую конкуренцию в обществах, где угроза насилия надолго консервирует систему ПОД» (Норт и др., 2012, с. 33).

Это ничто иное как жесткая критика международных организаций – МВФ, Мирового Банка и политики западных стран, в особенности США, пытавшихся и до сих пор пытающихся прямолинейно навязывать развивающимся странам западные институты. Кроме того, это главное отличие теории NWW от теории AR; фактически этот тезис указывает на принципиальный недостаток последней.

Перейдем теперь к рассмотрению теории, ставящей эволюцию гражданской культуры в основу общественного развития.

1. 5. Социально-экономическое развитие как цикл эмансипации

В монографии К. Вельцеля, опубликованной в 2013 г. и отмеченной престижными премиями, предложена общая теория экономического развития как цикла эмансипации. Согласно этой теории рост интеллектуальных, коммуникативных и материальных ресурсов для действий ведет к формированию общих эмансипативных ценностей, которые порождают коллективные действия. В результате властные структуры вынуждаются гарантировать свободы, тем самым утверждают права человека. Благодаря этому освобождаются творческие способности людей, что способствует техническому прогрессу, обеспечивающему рост ресурсов, так что цикл замыкается.

Автор конструирует индекс эмансипативных ценностей (ИЭЦ) на основе 12 показателей, разбитых на четыре группы. В первой группе – ответы респондентов на вопросы о том, считают ли они независимость, воображение и послушание желательными для детей качествами. Во второй группе вопросов выясняется, насколько приемлемыми респонденты считают развод, аборт и гомосексуальность. Третья группа показателей выявляет отношение респондентов к гендерному равенству. Наконец, четвертая группа отражает ценность для респондентов возможности людей высказывать свое мнение. Вельцель формирует ИЭЦ для 95 стран, представляющих более 90% мирового населения. Используя этот индекс, он проводит многочисленные эконометрические расчеты, которые демонстрируют наличие цикла эмансипации и, кроме того, по мнению автора опровергают теорию Аджемоглу-Робинсона, согласно которой решающую роль в общественном развитии играют инклюзивные институты⁴.

---

⁴ Более полный обзор теории Вельцеля см. в Полтерович (2017а).

1.6. Сопоставление и критический анализ теорий

Теория Даймонда вскрывает причины первенства Евразии, однако не объясняет различия в уровнях развития разных регионов и стран в пределах одного континента. Кроме того, она оставляет в стороне вопрос о механизмах, благодаря которым осуществлялась пространственная диффузия знаний и технологий; чтобы ответить на него, пришлось бы обратиться к исследованию культуры и институтов древних и средневековых обществ.

Аджемоглу и Робинсон сознательно игнорируют роль культуры и методов проведения реформ, ссылаясь, на опыт двух Корей и г. Ногалес, две части которого, принадлежащие США и Мексике, очень сильно отличаются по уровню развития. Ниже мы остановимся на этих примерах более детально. Пока лишь отметим, что без идеи соответствия между переходными институтами и культурой трудно объяснить, почему «железный закон олигархии» не действовал в странах экономического чуда и почему китайские экстрактивные институты не мешают Китаю быстро расти вот уже почти 30 лет.

Через четыре года после выхода в свет монографии об инклюзивных институтах была опубликована статья Acemoglu, Robinson (2016), где авторы делают значительный шаг навстречу своим критикам. При этом они полемизируют с популярной точкой зрения, согласно которой важную роль в процессах перехода к инклюзивным институтам играют элиты. Аджемоглу и Робинсон стремятся показать, что решающее значение имеют социальные нормы и неформальные институты, так что реформаторам остается лишь закрепить эти институты в законодательстве. Так, рассматривая возникновение афинской демократии, они пишут: «Хотя реформы были законодательно закреплены Солоном и Клисфеном, они институционализировали и кодифицировали политическое равновесие, которое уже существовало» (Acemoglu, Robinson, 2016, с. 9)⁵.

Между тем, вскоре после реформы Солона в Афинах установилась тирания Писистрата, и потребовалось более 50 лет, прежде чем Афины вернулись к демократии уже в рамках иной системы управления, сконструированной Клисфеном. Ситуация очень напоминает путь, пройденный многими странами в результате преждевременных попыток внедрения демократических институтов, и свидетельствует о том, что реформы Солона не были адекватны массовой культуре.

Следует также заметить, что в этот период право голоса имели лишь около 15% населения Афин. Участие граждан в политике и управлении в значительной мере оплачивалось за счет труда рабов и метеков, а также за счет налогов с населения подчиненных городов (Роддс, 1998). Таким образом, в рамках принятой Аджемоглу и

---

⁵ Ссылки даются по версии статьи, опубликованной в интернете.

Робинсоном дихотомии афинские институты с полным правом можно назвать экстрактивными.

Более того, имеются серьезные сомнения в эффективности институтов голосования, предусматривавших прямое волеизъявление при решении вопросов, требующих профессиональной компетенции. Регулярная система образования в Афинах отсутствовала, так что большинство граждан, скорей всего, были неграмотными. Они неизбежно должны были стать жертвами умелых демагогов. В работах (Роддс, 1998) , Ober (2015) приводятся факты, подтверждающие этот тезис. Роддс пишет: «Очевидно, такая административная система была непрофессиональной и неэффективной. Ее сверхзадача состояла в демонстрации скорее лояльности, нежели умения: каждый лояльный гражданин должен был играть в этой системе свою роль. Она была «справедливой» не в том, что касается исполнения принятых гражданами решений, а в самом факте их вовлечения в эту работу» (с. 47). Это объясняет, почему, несмотря на многочисленные эксперименты, демократия обрела полноценный масштаб и устойчивость лишь в двадцатом веке, после достижения всеобщей грамотности и формирования современных систем государственного управления.

Пожалуй, наиболее серьезный методологический недостаток теории AR, на который до сих пор не обращали внимания ее критики, состоит в том, что инклюзивность институтов – свобода и правовая защищенность конкуренции – отнюдь не исключает эксплуатации одной части общества другой. В определенном смысле инклюзивные институты могут быть одновременно экстрактивными. Дихотомия и нечеткие определения основных понятий существенно ограничивают объяснительные возможности концепции Аджемоглу-Робинсона.

Теория NWW объясняет долгосрочную эволюцию институтов в человеческих сообществах на более детальном и глубоком уровне, нежели AR –теория. Может показаться, что понятия ограниченного доступа и экстрактивности институтов совпадают по содержанию. Однако, это не совсем так: первое акцентирует внимание на ограниченность участия населения в принятии решений и на уровень принуждения (насилия), а второе – на извлечении ренты. Конечно, на протяжении большей части человеческой истории извлечение ренты основывалось на насилии, однако в новое время монопольная рента нередко оказывалась результатом порядка свободного доступа – конкуренции, а принуждение порождалось правилом большинства.

Благодаря этому нюансу в рамках теории Норта– Уоллеса – Вайнгаста стало в принципе возможным дифференцировать роль извлечения ренты в зависимости от стадии развития. Однако этот тезис не получил достаточного развития, и в большинстве рассуждений

порядки ограниченного института и экстрактивные институты действительно оказываются синонимами.

NWW–теория выглядит неполной и в ряде других важных аспектов. Остается не ясным, что именно препятствует достижению пороговых условий в большинстве стран и являются ли эти условия достаточными для перехода к ПСД. Для ответа на этот вопрос необходимо включить в рассмотрение эволюцию гражданской культуры. Однако теория NWW, как и AR –теория, фактически не принимает во внимание культурные факторы.

И порядки свободного доступа, и инклюзивные институты в теории AR подаются как венец развития, как своеобразный «конец истории». Такой вывод возникает в результате недостаточной разработанности, «грубости» основных понятий. В теории NWW насилие понимается как физическое воздействие (или его угроза), противоречащее закону, либо являющееся результатом «репрессивности» режима. А доступ (участие) фактически рассматривается в бинарной шкале: предполагается что «свободная» конкуренция автоматически обеспечивает «доступ». Между тем, в недавнем прошлом ПСД предусматривали казнь как наказание за банкротство и тюремное заключение за ценовой сговор. Разве это не формы насилия? И можно ли считать доступ на рынок свободным, если проигрыш в конкуренции с большой вероятностью ведет к нищете?

Современные ПОД тоже в немалой степени держатся на насилии. Тот факт, что это насилие безлично, не означает, что оно «справедливо» и «эффективно». Сами правила игры могут создавать привилегии той или иной группе участников. В простейшем случае «совершенно нейтральные» правила означают, что выиграет тот, кто на сегодня является сильнейшим. Но тем самым фактически ограничивается доступ для слабого. Таким образом, обезличенность не обеспечивает реальную свободу доступа, и современные ПОД было бы лучше назвать порядками не свободного, а обезличенного доступа (ПОБД).

С другой стороны, как показывают многочисленные примеры, вовлеченность широких масс населения в политический процесс отнюдь не гарантирует эффективность и «ненасильственность» принимаемых решений.

По мере общественного развития насилие (и, более обще, - принуждение) становится более затратным в силу культурных изменений – повышения общественных издержек человеческих страданий и индивидуальных моральных издержек. Поэтому ПОБД должны развиваться, становясь порядками всеобщего сотрудничества. Во второй части работы мы попытаемся развить эту идею.

Идея доминирующей роли институтов в процессе социально-экономического развития, видимо, возникает вследствие того обстоятельства, что формальные институциональные изменения вводятся соответствующими законами, исполнение

которых может обеспечиваться принуждением. Во всяком случае, Аджемоглу и Робинсон, ссылаясь на пример двух Корей, могли бы опираться на такую аргументацию.

Подобный путь *репрессивной эволюции* наблюдался не только в Северной Корее. Однако и в этом случае роль гражданской культуры нельзя недооценивать: от культурных характеристик элиты зависит структура институтов, которую она навязывает обществу. Если институциональная реформа связана с увеличением уровня принуждения, и если этот уровень может поддерживаться элитой, новая институциональная система способна просуществовать достаточно долго и деформировать массовую культуру так, что она станет адекватной действующим институтам. Угроза насилия заставляет людей адаптироваться к существующим правилам. Диссидентов изолируют или уничтожают. Соответствующее закону поведение постепенно становится нормой, гражданская культура «приспосабливается» к институтам, способствуя их временной устойчивости.

Следует, однако, подчеркнуть, что чрезмерная опора на насилие, подавляя инициативу граждан, вызывает их пассивное сопротивление, препятствует росту располагаемых страной ресурсов и в конце концов ведет к внутренним конфликтам и к проигрышу в соревновании с другими странами. А как только элита, меняя институты, ставит перед собой задачу развития страны, она сталкивается с невозможностью обеспечить их эффективное функционирование за счет насилия. Если в программе реформы не учтены существующие ресурсные, технологические, институциональные и культурные ограничения, то законодательно внедренные институты оказываются дисфункциональными (Полтерович, 2007). Таким образом, для объяснения общественной эволюции все эти факторы должны быть приняты во внимание.

Другой образец развития, где, казалось бы, доминирующая роль принадлежит институтам, дает *интеграция* - законодательно инициируемое встраивание того или иного региона в более передовую институциональную среду. Примером, который играет едва ли не решающую роль в аргументации Аджемоглу и Робертсона, является присоединение к Соединенным Штатам северной части города Ногалес, населенного в основном мексиканцами.

Две части Ногалеса были официально разделены стеной и отнесены к разным странам в 1918 г. Очевидно, за сто лет должны были постепенно возникнуть существенные различия не только в уровнях благосостояния их жителей, но и в уровнях гражданской культуры, поскольку каждый из двух возникших городов развивался под доминирующим

влиянием своей страны. На современном сайте американского Ногалеса⁶ указаны шесть знаменитых бизнесменов, внесших значительный вклад в экономическое развитие города. Ни один из них не был урожденным мексиканцем и лишь один жил некоторое время в Мексике. Развивая свой бизнес в Ногалесе, все они опирались на связи с деловыми кругами в других городах США. Естественно предположить, что американский Ногалес интенсивно заимствовал образовательные программы, технологии и культурные нормы из более передовых регионов США. И правительство Аризоны, и федеральное правительство в той или иной форме оказывало ему финансовую поддержку⁷. Трансформационные издержки, которые могли бы оказаться чрезмерно высокими в силу культурных и других факторов и потому препятствовать адаптации более передовых институтов, были покрыты за счет внешних источников. В подавляющем большинстве ситуаций возможности реформаторов пользоваться такими источниками крайне ограничены. Следовательно, возможность эволюции путем интеграции отнюдь не свидетельствует о доминирующей роли институтов.

В теории Вельцеля процесс развития (с незначительными оговорками) представлен так, как будто технический прогресс и рост общих ресурсов сами по себе активизируют ценности свобод, что опять-таки само по себе приводит к ускорению технического прогресса и увеличению общих ресурсов. Механизмы, реализующие эти связи, не рассматриваются. Сам автор обращает внимание на этот недостаток своей концепции, но считает его преодоление слишком сложной задачей (Вельцель, 2017, 293-294).

Частичное оправдание такого подхода состоит в том, что эконометрические методы – основной инструмент К. Вельцеля – в принципе не позволяют дать строгие доказательства наличия тех или иных причинных связей. Однако в работе отсутствует и соответствующий качественный анализ. Более того, автор лишает себя самой возможности такого анализа, настаивая на том, что институты – «результат, а не причина» развития (Вельцель, 2017, с. 17).

Вельцель видит подтверждение этого тезиса в расчетах, показывающих, что сконструированный им индикатор прав человека зависит от уровня эмансипативных ценностей, в то время как обратная связь статистически не обнаруживается или оказывается весьма слабой. Тем самым опровергается теория Аджемоглу-Робинсона

---

⁶ <http://nogalesusa.com/heritage/nogales-families/>

⁷ См., например, https://imageserv11.team-logic.com/mediaLibrary/78/Community_Resource_Guide_FINAL.pdf

(Аджемоглу, Робинсон, 2015) о решающей роли инклюзивных институтов в социально-экономическом развитии (Вельцель, 2017, с. 186, 189).

Есть основания полагать, что вывод Вельцеля о незначительной роли институтов является следствием используемой им методологии. Разработанный автором индекс эмансипативных ценностей (ИЭЦ), непосредственно не отражает такие важнейшие характеристики гражданской культуры, как обобщенное доверие или уровень коррупции. И хотя автор показывает, что ИЭЦ коррелирован с другими культурными индикаторами, этого могло оказаться недостаточным для адекватной оценки влияния институтов на культуру. Кроме того, ИЭЦ отражает сравнительно недавние изменения гражданской культуры и потому вряд ли применим для характеристики развития до второй половины XX века.

Вместе с тем, как аргумент в споре с Аджемоглу и Робинсоном, вывод Вельцеля не лишен оснований. В самом деле, эти авторы неразрывно связывают инклюзивность - «участие больших групп населения в экономической активности» - с «защищенными правами частной собственности, беспристрастной системой правосудия и равными возможностями для участия всех граждан в экономической активности» (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 65). В этом контексте измерение качества институтов индексом прав человека выглядит вполне резонным. А многочисленные попытки шоковой демократизации отстающих стран показывают, что расширение прав человека в условиях низкой гражданской культуры чаще всего влечет за собой интенсификацию процессов рентоизвлечения, падение производства и, как следствие, возврат к авторитаризму. Таким образом, в первую очередь гражданская культура обуславливает возможность расширения прав человека, и вполне вероятно, что обратное влияние оказывается более слабым. Однако и в рамках теории Вельцеля остаются не исследованными внутренние причины социальной эволюции и, в частности, вопрос о том, за счет чего возможно совершенствование гражданской культуры при «плохих» институтах.

Для ответа на него мы рассмотрим два разных типа развития. Первый из них принято называть догоняющим. Речь идет о странах с относительно низким уровнем благосостояния, качеством институтов и гражданской культуры, которые ставят перед собой задачу встать в один ряд с развитыми странами. Решить ее удастся совсем немногим, но именно их опыт представляет особый интерес. Успех догоняющего развития называют «экономическим чудом». Наиболее яркие примеры – восточноазиатские «тигры», послевоенная Франция, Испания 1960-х годов, Ирландия в 1990-х; в последнее время устойчивый и быстрый экономический рост демонстрируют Китай и Малайзия. Исследованию «экономических чудес» посвящена обширная литература. Ниже будут

коротко изложены и несколько дополнены результаты работ Полтерович (2016b,c), демонстрирующие необходимость согласованного изменения институтов и культуры для достижения успеха.

Другой тип развития характерен для лидеров, к которым следует отнести Великобританию и ее «оффшоры» - США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, а также страны континентальной Западной Европы. Различение между двумя типами в определенной мере условно. Практически все страны в тот или иной период оказывались в роли догоняющих, так что, например, Францию и Испанию в разные годы следовало бы отнести к разным типам. Изучению лидирующего развития посвящена Часть II настоящей работы.

1.7. Догоняющее развитие: связь культуры и институтов

Как отмечалось выше, вывод Вельцеля о примате гражданской культуры⁸ над институтами основывается на том, что его индекс эмансипативных ценностей оказался значимым детерминантом индекса прав человека, в то время как существенного обратного влияния выявить не удалось.

Однако индекс прав отнюдь не является исчерпывающей характеристикой институциональной системы. Для того чтобы исследовать взаимовлияние институтов и культуры в развивающихся странах, необходимо различать институты прав человека и политических свобод (ИПС), институты конкурентного рынка (ИКР) и институты догоняющего развития (ИДР) (Полтерович, 2016b). ИПС в той или иной мере обеспечивают равенство граждан перед законом, право избирать и быть избранным, свободу получения информации, выражения мнений и передвижения, свободу создания политических партий и общественных организаций, и т. п. ИКР ответственны за свободу конкуренции, защиту прав собственности, ограничение коррупции, лоббирования и монополизма при принятии правительственных решений в сфере экономики.

Однако, как показывают многочисленные исследования, попытки «непосредственного» совершенствования ИПС и ИКР путем принятия соответствующих законов не ведут к успеху, прежде всего, вследствие культурных ограничений. Так, для населения многих развивающихся стран характерны⁹

---

⁸ Под гражданской культурой я понимаю «совокупность отношений индивида к институтам и социальным группам (пример: толерантность или интолерантность), его ожиданий и установок (пример: патерналистские ожидания) и ценностей (например, ценность свободы выбора), а также его социально-психологических характеристик, определяющих «умения» - способности функционировать» в тех или иных условиях (например, уровень рациональности) (Полтерович, 2016b).

⁹ См. (Полтерович, 2007).

неуважение к закону, порождающее всплеск коррупции и ретроориентированного поведения при расширении свобод;

патернализм и коллективизм малого радиуса;

манипулируемость;

низкие уровни институционального и межличностного доверия;

короткий плановый горизонт;

низкая культура управления, авторитарный стиль мышления управляющих.

Многочисленные попытки шоковой терапии - резкой смены экономических и политических институтов в развивающихся странах, как правило, вели к падению производства, ухудшению культурных характеристик и к возврату авторитарных методов управления.

Сравнительно немногочисленные случаи экономического чуда связаны с использованием институтов догоняющего развития, способных функционировать в относительно отсталой культурной и институциональной среде. К их числу относятся корпоративистская система управления, генеральное агентство развития, национальное планирование, национальная инновационная система, нацеленная на заимствование технологий и сопряженная с активной промышленной политикой, механизмы поддержания заниженного валютного курса, прогрессивный НДС и ряд других. Иницируя экономический рост, они одновременно ускоряют эволюцию гражданской культуры, создавая условия для совершенствования и ИПС, и ИКР, и самих ИДР (Полтерович, 2016b, c).

Рассмотрим, почему именно ИДР оказываются эффективными инструментами, позволяющими очень разным отстающим странам существенно приблизиться к передовым экономикам за 15 – 20 лет.

Чтобы решить такую задачу требует реализовать «преимущество отсталости» (А. Гершенкрон): возможность заимствовать технологии и методы хозяйствования, уже доказавшие свою эффективность в других странах. Заимствование технологий отдельными фирмами неизбежно сталкивается с серьезными ограничениями – отсутствием подходящего сырья, оборудования и спроса на новые товары. Для того, чтобы использовать преимущество отсталости, необходимы широкомасштабные проекты модернизации, затрагивающие разные точки производственного графа. Отсюда – необходимость планирования. Однако, как показала практика, эффективные планы не могут быть «спущены сверху». Их разработка и реализация требует позитивного сотрудничества всех основных общественных групп. Необходимо скоординировать их

действия, не подавляя, а напротив, стимулируя инициативу и одновременно контролируя возможности рентоизвлечения. ИДР решают эти задачи, дополняя друг друга.

Политические режимы в странах Восточной Азии и в большинстве других стран экономического чуда учитывали патерналистские ожидания населения. Определяющая роль принадлежала государству, однако система управления основывалась на принципах корпоративизма, предусматривавшего тесное взаимодействие государственных органов, ассоциаций бизнеса и профсоюзов, а также учет интересов потребителей, политику снижения неравенства, ориентацию чиновников всех уровней иерархии на обеспечение экономического роста при достаточном уровне децентрализации. Благодаря явным и неявным соглашениям между работниками и работодателями смягчались «классовые» конфликты, укреплялось институциональное и межличностное доверие.

Индикативное планирование играло в процессе управления и консолидации важнейшую роль. Вот что писал об этом Пьер Массе, создавший в послевоенной Франции исторически первую систему индикативного планирования: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана» (Masse, 1965).

Ряд институтов сотрудничества, действовавших в странах догоняющего развития, опирались на коллективизм и успешно преодолевали трудности, связанные с малым радиусом межличностного доверия и несовершенством рыночных институтов. К ним относятся система главного банка и система пожизненного найма в послевоенной Японии и других странах Юго –Восточной Азии, муниципальные предприятия (township and village enterprises) в Китае в 1980-ые годы, строительно-сберегательные кассы в Западной Германии и Австрии после войны.

По мере повышения уровней культуры и благосостояния роль государства постепенно снижалась, ИДР теряли свое значение, уступая место институтам экономической и политической конкуренции.

Таким образом, концепция ИДР отвечает на вопрос, поставленный в работе Норт и др. (2012, с. 7): «...как улучшить социальную организацию, чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение индивидуального благополучия граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа?» Реформаторы должны внедрять институты, способные инициировать и поддерживать экономический рост в условиях культурных и других ограничений и при

этом ослаблять эти ограничения, обеспечивая возможность последующих институциональных преобразований¹⁰.

Важный и не до конца исследованный вопрос состоит в том, почему подавляющее большинство развивающихся стран не следуют стратегии, которая, как отмечено выше, могла бы обеспечить им успех. Частичный ответ на него содержится в Полтерович (2014, 2017b).

1.8. Заключительные замечания.

Рассмотренные выше институциональные теории не дают удовлетворительного объяснения процессу общественного развития. Остается не ясным, почему на протяжении почти всей истории человечества доминировали экстрактивные институты (порядки ограниченного доступа), в силу каких причин и посредством каких механизмов в XX-ом веке они уступили место инклюзивным институтам – порядкам свободного доступа. Теория цикла эмансипации Вельцеля также не содержит анализа причинных связей, оставляя за кадром механизмы, определяющие эволюцию гражданской культуры; его основной показатель развития - индекс эмансипативных ценностей - вряд ли может служить информативной характеристикой обществ до Второй мировой войны. Кроме того, все эти теории рассматривают современное конкурентное общество как вершину цивилизации, даже не пытаясь выявить тенденции дальнейшей социально-экономической эволюции.

Задача общей теории социально-экономического развития состоит в том, чтобы объяснить структуру и смену организации человеческих сообществ, включая сферы внешнеполитических, внутривнутриполитических и экономических взаимодействий. Вышеприведенный анализ продемонстрировал, что попытки решить эту задачу на основе рассмотрения только географических или институциональных, или только культурных факторов не приводят к успеху. Более того, как было отмечено выше, рассмотрение развития исключительно в терминах, характеризующих степень вовлеченности широких масс населения в политический процесс, не является плодотворным: вовлеченность может означать истощающую политическую или экономическую борьбу, но также и конструктивный диалог. Необходим более дифференцированный анализ эволюции механизмов взаимодействия между индивидами и их сообществами.

---

¹⁰ В терминах теории реформ речь идет о построении перспективных институциональных траекторий (см. Полтерович (2007), гл. 7 и раздел 4.7). Более детальное обсуждение концепции ИДР см. в Полтерович (2016b,c).

Траектории развития разных стран, даже если речь идет о западной цивилизации, сильно различаются. Для того, чтобы выявить общие закономерности необходим достаточно абстрактный уровень рассмотрения. Во второй части работы я попытаюсь проследить, как в процессе эволюции менялось соотношение между тремя основными механизмами координации – конкуренцией, властью и сотрудничеством.

В отличие от авторов монокаузальных теорий, я полагаю необходимым для объяснения социально-экономического развития рассматривать взаимовлияние институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровней благосостояния; целесообразно также учитывать географические факторы. Будет подтверждена идея Норта-Уоллеса-Вейнгаста о снижении роли насилия, которое, на наш взгляд, является атрибутом не только власти, но и конкуренции. В последние сто лет оба эти механизма в развитых странах постепенно уступают место институтам позитивного сотрудничества (Полтерович, 2015, 2016а). Естественно способствовать продолжению этой тенденции, понимая, что для нее нет удовлетворительных альтернатив.

Часть 2. Эволюция механизмов координации

2.1. Вводные замечания

Проследивая взаимовлияние институтов координации в их связи с экономикой и культурой, мы получаем возможность объяснить ход социально-экономической эволюции, абстрагируясь от особенностей отдельных стран. Разумеется, приложение этой схемы к истории каждой страны потребует детализации и уточнения. Однако, основные движущие силы развития и причинно-следственные связи, рассматриваемые ниже, являются инвариантами разных модификаций лидирующего социально-экономического развития.

Разработка применяемого здесь подхода («философии сотрудничества») была начата в статьях (Полтерович, 2015, 2016а, 2017с), в основном, на материале XIX - XX веков. В настоящей работе временной диапазон существенно расширен. Кроме того, будет сделана попытка объединить рассмотренные выше конкурирующие концепции в единую теорию. При этом я существенно опираюсь на работы Fukuyama (2011, 2014) и Мокур (2005, 2016), где акцентируется роль культуры в процессе становления государства и подчеркивается значение идеи технического прогресса.

2.2. Война, гражданская культура и формирование институтов власти.

Принято различать четыре основных типа человеческих сообществ: отдельную группу, племя, вождество и государство (Даймонд, 2010).

Отдельные группы человеческих особей (10-50 чел.) занимались собирательством в эпоху, когда другие формы человеческих сообществ еще не существовали. Сотрудничество, стало исторически первым механизмом координации. Этот механизм был задан генетически и базировался на естественном альтруизме родителей по отношению к детям. В соответствии с законом Гамильтона и многочисленными исследованиями родственный альтруизм (kinship altruism) распространяется и на более отдаленных родственников, хотя уровень альтруизма убывает с уменьшением степени родства (Birch, Okasha, 2015). Генетическая предрасположенность стала основой для расширения сотрудничества – образования племен, а затем и вождеств. Самая примитивная форма гражданской культуры, включавшая доверие к родственникам и настороженное отношение к чужакам, была естественным следствием биологической эволюции, основывалась на осознании родственных связей. По мере увеличения численности сообществ идентификация связей становилась все более сложной задачей. В качестве ее решения возникла начальная форма религиозного сознания - культ предков, цементирующий общество.

Процесс образования все более крупных и структурно более сложных сообществ происходил под влиянием четырех основных факторов: угрозы нападения, ограниченности ресурсов, стремления к сотрудничеству и изменения технологий производства ресурсов. Технологические изменения - одомашнивание животных и развитие земледелия - способствовали появлению собственности на землю. Ее надо было защищать; одновременно появилась возможность увеличения потребления за счет расширения владений. Карнейро указывает две основные задачи, для решения которых создавались вождества: захват пленных с тем, чтобы использовать их как рабов, и захват территорий с тем, чтобы заставить новых подданных платить дань и предоставлять воинов в случае войны. Вожди опирались на насилие и на иерархию управляющих (Карнейро, 2006, с.220). В алгоритмах управления вождествами родство также играло важнейшую роль. Оно продолжало оставаться источником поведенческого альтруизма, а значит, и генетически заданного стремления к сотрудничеству малого радиуса. Сотрудничество обеспечивало выживаемость сообществ в процессах внешней конкуренции.

Нередко в механизмы конкуренции встраиваются механизмы сотрудничества, так что полное уничтожение противника оказывается не в интересах враждующих сторон. В

данном случае речь идет об еще одном факторе генетической природы – экзогамии, обуславливавшей необходимость обмена женщинами между группами. Такой обмен мог служить механизмом разрешения конфликтов (Fukuяama, 2011, pp. 54-55). Кроме того он способствовал объединению групп.

Таким образом, два важнейших механизма координации – сотрудничество и внешняя конкуренция – имеют генетическое происхождение. Механизмы власти появились в результате необходимости противостоять конкурентам, опираясь на вертикальную координацию. Гражданская культура выросла из генетически заданных норм поведения, инстинктов, обеспечивая понимание целесообразности властной иерархии, а значит, и определенную степень добровольного участия в механизмах власти. Они, таким образом, опирались не только на принуждение, но и на готовность к сотрудничеству.

Приходится заключить, что на заре цивилизации развитие человеческих сообществ отнюдь не следовало циклу эмансипации Вельцеля. Важнейшие элементы культуры – доверие к родственникам, экзогамия – были заданы генетически, а совершенствование институтов происходило не столько в результате роста ресурсов, сколько под влиянием их дефицита.

Роль родственных связей постепенно ослабляется по мере возникновения и развития государства. Правила формирования власти, функционирования армии, сил правопорядка и судов формализуются и деперсонифицируются, становятся законами.

Необходимость в профессиональных управленцах и военачальниках приводит к появлению элиты. Элита должна быть хорошо образована, обучена и уже поэтому освобождена от физического труда. Ее материальные потребности удовлетворяются за счет других членов общества, которому она служит и которое недостаточно богато, чтобы предоставлять образовательные услуги всем своим членам. В «естественных государствах» порядки ограниченного доступа не только не являются дисфункциональными, как пишут Норт и его соавторы, они необходимы. Власть в бедном обществе неизбежно должна опираться на экстрактивные институты. Инклюзивные институты (порядки открытого доступа), доминировавшие в качестве механизмов сотрудничества на первых этапах развития, теряют свое значение, перемещаясь на нижний, общинный уровень властной иерархии.

Один из основателей современной теории происхождения государства, Чарльз Тилли писал, что «война формирует государство, государство инициирует войны» (“war made the state, and the state made war”). Цитируя эти слова, Фукуяма отмечает, что Тилли опирался на историю Европы, однако этот же вывод справедлив и в отношении Китая (Fukuяama, 2011, p. 94). Применительно к Латинской Америке и некоторым другим регионам

имеются сомнения, поскольку масштабные вооруженные конфликты для них не были характерны, однако во всех случаях внешнеполитическая конкуренция, в частности, угроза войны явилась важнейшей причиной организационного прогресса – формирования механизмов власти (Thies, 2012).

Власть требовала бы слишком больших издержек и не могла бы стать устойчивой, если бы она опиралась только на насилие. Второй важнейшей ее опорой стала идеология, формировавшая соответствующий тип гражданской культуры, нацеленной на сотрудничество. Карнейро пишет:

«... идеология ... может стать детально разработанной, логически последовательной и непреодолимой системой убеждений и обычаев. ... такая идеология может со временем проникнуть так глубоко в традиции вождества, что скроет и исказит его истинные корни. Беспощадные завоевания военных деспотов через несколько поколений могут таинственным образом превратиться в мирное, великодушное и добровольное присоединение людей древним вождем, который, если сам и не был богом, то, по крайней мере, был вестником божественной дланью» (Карнейро, 2006, с. 222).

Огромную роль в формировании единства общества, кооперативного поведения играла религия, формировавшаяся на основе культа предков. Это подчеркивает Фукуяма:

«В больших группах становилось все труднее контролировать индивидуальный вклад каждого участника; проблема безбилетника и другие формы оппортунистического поведения играли все большую негативную роль. Религия решает проблему коллективных действий, предусматривая награды и наказания, которые значительно усиливают выгоды от конкретного сотрудничества. Если я верю, что глава моего племени - такой же человек, как я, преследующий свои собственные интересы, я могу сомневаться, подчиняться ему или нет. Но если я верю, что начальник может управлять духами мертвых предков, чтобы вознаградить или наказать меня, я с большей вероятностью буду уважать его слово. Мое чувство стыда потенциально намного больше, если я полагаю, что меня наблюдает мертвый предок, который может видеть мои настоящие мотивы лучше, чем живые родственники» (Fukuyama, 2011, с.37).

Не случайно в ранних государствах наряду с военной элитой формировалась и религиозная элита¹¹: отправление религиозных обрядов требовало знаний и, соответственно, затрат времени, не совместимых с самостоятельным обеспечением материальных потребностей. Экстрактивный характер институтов был неременным

---

¹¹ В работе Норт и др. (2011, с. 124) читаем о государстве ацтеков: «Комбинация религии, образования и политики создала господствующую коалицию с четкой идентичностью и понятными общими убеждениями, с сильным образованием и ограниченным доступом».

условием выживания государств и до сих пор остается неизбежным следствием существования механизмов власти¹².

Наряду с религией, немалое значение могут иметь и светские обычаи. В качестве примера Карнейро приводит практиковавшийся на островах Фиджи праздник уплаты налогов, сопровождавшийся песнями и плясками и заканчивавшийся пиршеством по приглашению короля (Карнейро, 2006, с. 223).

Внутренняя организация общества менялась в результате внешней конкуренции, культурные изменения обеспечивали устойчивость новых институтов и создавали возможности их дальнейшего совершенствования.

Внешняя конкуренция - война и ее постоянная угроза - являлась также важнейшим фактором технологических изменений. Вот, что пишут авторы «Истории науки и технологии»: «Процесс формирования царств и империй почти во всех случаях включает в себя войну. При этом военная технология часто находится на переднем крае перемен. Военные колесницы на сотни лет предшествовали телегам, применяемым для перевозки грузов. Медь, бронза и железо использовались в боевых топорах и наконечниках стрел, задолго до того, как они стали обычными в производстве плужных лемехов или швейных игл» (Bunch, Hellemans, 2004, p. 4).

Защита подданных и захват новых территорий был основной функцией вождей, а затем и государств с момента их возникновения. Однако необходимость содержания органов управления, военной и религиозной элиты заставляло правительства заботиться и об экономике. Вплоть до XII – XIII веков они ограничивались созданием инфраструктуры, строительством ирригационных сооружений. Развитие промышленности вошло в перечень важнейших задач европейских государств после изобретения огнестрельного оружия. Как пишет А. Габор, исследователь истории военной промышленности, в XIV веке началась «беспрецедентная гонка вооружений. Чтобы эффективно участвовать в ... межгосударственном соперничестве, монархи должны были создавать свои собственные оружейные производства или поставлять необходимое оружие и боеприпасы... Помимо оплаты и кормления войск, производство оружия и судостроение представляли собой самую обременительную задачу для ранних современных государств ...» (Gabor, 2005, p. 2).

В (Chang, 2003) отмечается, что уже в XIV веке английские монархи применяли политику налогов, пошлин и торговых барьеров, чтобы стимулировать внутреннее производство. С начала XVI и особенно в XVII веке в Англии и Франции получают

---

¹² Другое дело, что на определенном этапе развития степень экстрактивности политических и экономических институтов начинает уменьшаться (см. раздел 2.5).

распространение идеи меркантилизма. Правительства этих стран активно используют тарифы, субсидии и прямые запреты на импорт для поддержания положительного торгового баланса и стимулирования отечественной промышленности. Логика этой политики была как бы продолжением логики войны: выгоду предполагалось получить за счет торговых партнеров.

Вместе с тем внутриэкономическая политика была направлена на сдерживание конкуренции. Для гильдий (цехов) были установлены правила, согласно которым запрещалось назначение цен на продукцию ниже установленных. Реклама производимых товаров считалась нарушением этических норм. Кроме того, на территории каждого государства действовали многочисленные торговые барьеры: пошлины на въезд в города, проезд через мосты, на право торговли и т. п. (Кулишер, 1922).

Принято считать, что средневековые ограничения конкуренции играли негативную роль, сдерживая развитие. Это, однако, не очевидно. Фиксация цен предотвращала ценовые войны, которые в условиях рынков малого объема могли иметь крайне негативные последствия. Тарифы на провоз товаров были, возможно, наиболее эффективным способом сбора налогов при отсутствии надежного учета налогоплательщиков и объемов производства и потребления.

Война перестала быть доминирующим фактором экономической политики в результате формирования другого, более эффективного механизма наращивания общественных ресурсов – инновационной экономики. Для того чтобы это могло произойти, идеология «золотого века», ориентированная на поддержание существующих норм и обычаев, должна была уступить место идеологии общественного прогресса.

2.3. Идея прогресса и формирование конкурентных экономических механизмов.

Как показывает исторический опыт, вооруженная конфронтация нескольких государств на ограниченной территории могла приводить к равновесиям двух типов: образованию единой империи на всей территории либо сосуществованию этих государств, постоянно угрожающих друг другу и время от времени воюющих между собой. Будучи устойчивыми на ограниченном временном интервале, оба равновесия имеют тенденцию к характерным долгосрочным трансформациям. В первом случае активизируется борьба элит и народных масс за неувеличивающиеся ресурсы. Дворцовые перевороты и гражданские конфликты истощают ресурсную базу, а отсутствие ясной цели развития приводит к отторжению инноваций и разложению правящего класса. В результате империя становится легкой добычей неожиданно появившихся завоевателей. Эта схема

действовала на протяжении всей человеческой истории. Примерами могут служить Римская империя и китайская империя Цин. Так, с семидесятых годов XVII в. по шестидесятые годы XVIII в. Китай вел только завоевательные войны и не имел серьезных соперников. К середине XVIII в. Хунли, император династии Цин, «ощущал себя чуть ли не властелином всего мира» (Непомнин, 2005, с.132). Он проводил политику изоляции Китая, ориентации на традиционные ценности, подавлял инновации. В результате накапливался дисбаланс между ростом населения, характерным для периодов мирного существования, и возможностями экономики. В 70-е годы началась полоса локальных восстаний, а в 1796 г. разразилась Крестьянская война, длившаяся 8 лет, которая «стала переломным моментом в нарастании кризиса Цинской империи» (там же, с. 364). К концу XIX века империя оказалась разделенной на сферы влияния западных держав и России.

Равновесие второго типа встречается существенно реже. Примерами могут служить Полинезия и страны африканского континента до появления европейцев; в обоих случаях враждующие стороны были разделены естественными преградами, и возникшее равновесие было разрушено захватчиками. Европа в этом отношении представляется уникальным случаем. В течение тысячелетия после завоевания Рима германскими племенами этот континент сотрясали нескончаемые войны. Столетняя война 1328-1425 гг. продемонстрировала, что конфликт с соседями не приносит ожидаемого выигрыша. Передовые европейские государства отчасти переключаются на завоевание отдаленных более богатых территорий, в меньшей степени способных к сопротивлению. Великие открытия в еще большей мере продемонстрировали важность астрономических знаний и технических, в особенности, транспортных средств.

«Гонка вооружений», начавшаяся в XIV веке, могла привести к абсолютной победе одной из враждующих сторон и образованию империи, охватывающей большую часть или даже всю территорию Западной Европы. В этом случае стимулы для дальнейшего совершенствования были бы утеряны, что привело бы к очередному упадку. Этого, однако, не произошло. Чтобы выдержать длительное противостояние, ведущим западным государствам пришлось включить экономику в число приоритетных задач. Противостояние способствовало становлению новой культуры, что в конце концов привело к резкому увеличению темпов экономического роста и формированию идеологии общественного – социального и технологического – прогресса. С появлением новых гораздо менее затратных методов наращивания ресурсов война постепенно теряет актуальность и как центральный инструмент политики, и как ведущий элемент

доминирующей идеологии. Меняется и парадигма взаимодействия государств, и их внутренняя организация.

При рассмотрении начальной стадии этого процесса принято выделять четыре исторических эпохи: возрождение (XIV –XVII века), научную революцию (1543-1687), просвещение (1715-1789) и промышленную революцию (1760-1840)¹³.

«Европейское Просвещение было многогранным явлением, связанным главным образом с идеями естественных прав человека, концепций религиозной и расовой толерантности, политической свободы, неравенства, правовой реформы и многого другого. На самом глубоком уровне общим знаменателем была вера в возможность и желательность человеческого прогресса и совершенствования благодаря размышлению и знанию. Материальный аспект этой веры опирался на идею Фрэнсиса Бэкона о необходимости понять природу, чтобы контролировать ее» (Мокуг, 2005, р. 5).

Обнаружение связи между сферой знаний и производством стало одним из ключевых открытий этого периода. Эта идея, в явной форме сформулированная Дени Дидро в его «Энциклопедии», дала плоды в эпоху промышленной революции, когда ведущие исследователи, такие как Гемфри Дэви, Джозеф Пристли, Анри Навье, успешно совмещали научную деятельность и изобретательство (Мокуг, 2005, р. 9-10). В этот период основываются научные общества (Society of Arts в Англии, 1754 г.), прикладные учебные заведения (*grandes écoles* во Франции, горная академия в Саксонии, Королевский институт в Англии), появляются научные журналы, такие как *Journal of Natural Philosophy, Chemistry, and the Arts*, основанный в 1797 г.

На начальных этапах развитие искусств, научного знания и просветительских идей стало возможным благодаря сложившемуся в Европе равновесию, о котором упоминалось выше. Наличие множества монарших (королевских, княжеских и т. п.) дворов способствовало формированию своеобразного рынка художников и мыслителей: каждый правитель стремился иметь в числе своих подданных ту или иную знаменитость. Известность, заслуженная бескорыстным трудом, давала возможность получить материальную поддержку. После того как идея прогресса укоренилась в сознании правящей элиты, исследователи смогли претендовать на оплачиваемые государством посты в академиях и учебных заведениях (Мокуг, 2016).

Следует иметь в виду, что вплоть до XX–го века ни одно изобретение не могло получить широкого распространения в Европе без формального одобрения того или иного

---

¹³ Указанная датировка весьма условна, общепринятой периодизации не существует; к тому же указанные процессы происходили в разное время в разных странах.

правителя. Промышленная революция могла бы не состояться, если бы не жесткое противостояние европейских государств.

Даймонд пишет: «Именно потому, что на самом деле Европа была раздроблена, Колумб с пятой попытки сумел убедить одного из сотен европейских князей профинансировать свое предприятие... Пушки, электрическое освещение, книгопечатание, стрелковое оружие и бесчисленные другие изобретения внедрялись в Европе по тому же шаблону: где-то по какой-то локальной причине каждое из них сперва отвергали..., однако, как только в одной из стран... изобретению давали ход, его скоро осваивали все остальные. Такие последствия европейской раздробленности резко отличались от последствий китайского единства» (Даймонд, 2010, Эпилог, с. 312-313). Речь идет о том, что правители Китая, не испытывавшего подобной конкуренции, в силу внутривнутриполитических интриг раз за разом принимали решения, препятствовавшие развитию китайской экономики. В результате в Китае не получил распространения ткацкий станок, изобретенный еще в XIV веке, а в XV в. были запрещены морские экспедиции и разрушены верфи, было свернуто производство механических часов и приспособлений.

Мокрыр подчеркивает, однако, что промышленная революция в Европе затронула лишь узкий слой элиты, «несколько десятков тысяч умных и ловких механиков и квалифицированных мастеров, которые могли читать чертежи, знали свойства материалов, которые они использовали, ... понимали, что такое трение, крутящий момент, сопротивление и т. п. Для остальной части рабочей силы образование и грамотность не имели большого значения». (Мокрыр, 2005, р. 15).

Эпоха всеобщей грамотности в Западной Европе наступила лишь к концу XIX века. Однако в элитных слоях общества идея общественного прогресса укоренилась уже к середине XVIII столетия.

Промышленная революция сопровождалась важными институциональными изменениями. Еще в конце XVII века после Славной революции в Англии начался процесс формирования патентного права и укрепления законодательства об исполнении контрактов. Однако, как подчеркивает Мокрыр, не меньшее, а возможно, большее значение имело снятие в процессе промышленной революции многочисленных торговых ограничений, характерных для существовавших тогда режимов. К этому времени они были уже препятствием для потенциального расширения торговли, ставшего возможным благодаря развитию транспортных средств, открытию новых земель и росту производства. Гильдии сопротивлялись либерализации, их поддерживала часть административной элиты, для которой ограничения были источником ренты. В Англии гильдии были относительно слабы; некоторые исследователи считают, что этим частично объясняется

первенство Англии в промышленной революции. Во Франции гильдии были распущены законом 1791 г., а наполеоновские войны ускорили их ликвидацию и в других европейских странах. Определенное влияние на исход борьбы оказала теория Адама Смита, связавшего друг с другом идеи экономического прогресса и свободной конкуренции (Мокуг, 2005, pp. 19, 22).

Таким образом, были разрушены старые неэффективные институты сотрудничества, приводившие к монополизации локальных рынков. В начале нового этапа происходило ужесточение конкурентных механизмов, а затем их постепенное смягчение и формирование новых более эффективных механизмов сотрудничества (Полтерович, 2015, 2016а). Важнейшим фактором этой трансформации стал технический прогресс, способствовавший наряду с торговлей превращению экономических взаимодействий в игру с положительной суммой.

История становления идеи прогресса, промышленной революции и формирования конкурентных рынков, является убедительной иллюстрацией взаимосвязи и взаимообусловленности трех факторов развития – культуры, институтов и совершенствования производственных технологий, так что ни один из них нельзя считать доминирующим.

Идеология технического прогресса в отличие от идеологии вооруженной конфронтации допускает децентрализацию управления и согласование интересов на основе взаимной выгоды, а значит, использование горизонтальных механизмов сотрудничества. Но для того, чтобы эти возможности воплотились в реальность, потребовалась длительная эволюция общественного сознания и институтов.

Распространение идеологии технического прогресса среди элитарных слоев западного общества не привело к немедленному отказу от вооруженных конфронтаций. После завершения промышленной революции потребовалось более ста лет, прежде чем война между странами Западной Европы перестала быть ожидаемой реальностью¹⁴. Наполеон и другие правители западных государств, уже располагавшие новым инструментом повышения благосостояния, все еще находились в плену старой парадигмы. Это препятствовало децентрализации управления и становлению демократии. Победоносные войны должны были оправдать в глазах общества и, возможно, в его собственных глазах присвоение Наполеоном императорской короны. «Двадцать лет почти непрерывных войн (начиная с 1792 г.) обескровили Францию. Ее прямые безвозвратные потери составили около 1 млн человек. Страна устала от войны. Под любым предлогом, включая и

---

¹⁴ В значительной мере это объясняется несинхронностью культурного развития ведущих западных стран – Англии, Франции и Германии.

членовредительство, молодежь уклонялась от военной службы». (Чубарьян, Мирзеханов (ред.) (2014), с. 117). Со временем в государственной политике Франции роль экономики росла. Так, «Наполеон III в большей мере, чем его предшественники на французском троне, понимал важность экономического прогресса. Он приблизил к себе видных экономистов и предпринимателей... Его правительство сняло ограничения на деятельность акционерного капитала..., заключило договор о свободной торговле с Великобританией (1860), осуществило грандиозную реконструкцию Парижа.... Коренные преобразования произошли и в средствах транспорта: страна покрылась густой сетью железных дорог.... В 50-60-е годы Франция достигла самых высоких темпов экономического роста за все столетие. Причем «локомотивом» французской экономики являлась современная крупная машинная индустрия...». И вместе с тем, «главной опорой бонапартистской диктатуры была верхушка французской армии. Наполеон III, активно используя военную силу для достижения внешнеполитических целей, вполне утолил ее жажду побед, чинов и наград» (там же, с. 123).

2.4. Формирование институтов политической конкуренции

На протяжении большей части человеческой истории основная задача организованных человеческих сообществ – племен, вождеств и государств – состояла в захвате чужих и защите своих богатств и территорий. Для решения этой задачи требовались иерархическая организация общества, идеологии, обеспечивавшей вертикальное сотрудничество его членов, и наличие элиты, осуществлявшей руководство армиями и внедрением идеологий в широкие народные массы.

Содержание элиты неизбежно возлагается на остальную часть общества, однако уровень соответствующих издержек зависит от культуры и действующих институтов. Стремление к власти и к увеличению доли получаемой ренты вело к постоянной борьбе между элитными группами, к конфликтам и переворотам. Благодаря техническому прогрессу усиливалась роль экономической составляющей общественного развития, укреплялись промышленные и торговые элиты, вступившие в сражение за власть. Становление электоральной демократии должно было обеспечить стабильность в обществе, уменьшить издержки, связанные с борьбой элит. Этот процесс потребовал, однако, колоссальных издержек, связанных с разрывом между уровнями гражданской культуры элиты и народных масс.

Важнейшая причина состояла в недостатке образования: низкий уровень спроса на него со стороны общества и государства не стимулировал его развитие, а это в свою очередь тормозило развитие экономики и общественных институтов. Впрочем, еще более глубокая причина заключалась в низком уровне благосостояния. Массовое образование возможно

лишь при условии, что молодые люди могут отложить вступление в трудовую жизнь. В 1910 г. в Англии, Франции, Австрии, Италии процент учащихся в старшей средней школе в возрастной когорте 10-19 лет не превышал 2,8%; в Германии он составлял 3,2%. При этом процент студентов в возрастной когорте 20-24 лет не превышал 1,35% во всех перечисленных странах за исключением Австрии, где около 3,8% представителей этой когорты учились в университетах (Волков, 2017, с. 107).

Приведенные цифры не только подтверждают тезис Фукуямы о том, что «в социальном отношении Европа не была готова к демократии до последней трети девятнадцатого века» (Fukuyama, 2014, Kindle Locations 7389-7391), но и позволяют усилить его: подлинная готовность наступила только после Первой мировой войны¹⁵.

Мучительный процесс становления демократии в Европе XIX века во многом объясняется тем, что идеи общественного прогресса и всеобщего равенства, завоевавшие умы многих представителей образованного класса, не были достаточно проработаны: слишком мало было известно относительно того, при каких условиях и в какой форме эти идеи могут реализоваться. Идеология насилия как основного метода разрешения конфликтов, господствовавшая на протяжении тысячелетий, причудливо уживалась с идеями построения справедливого демократического общества. Поэтому романтики, увлеченные идеями Руссо о том, что все люди рождены «равными и свободными» и что «блюстители исполнительной власти не господа народа, а его чиновники», пытались реализовать эти идеи путем массовых казней. Разгул произвола, преступности и коррупции, наступавший после очередной революции, побуждал общество к восстановлению монархии. Авторы работы Чубарьян, Мирзеханов (2014), описывая переворот 18 брюмера 1799 г., отмечают:

«Элита республиканских политиков в целом сочувствовала стремлению Бонапарта к единоличной власти, нашедшему выражение в конституции. Ее члены опасались крайностей как гражданской войны и революционного террора, так и роялистской контрреволюции. Они уже давно мечтали о «твердой руке», диктаторе, который обеспечил бы порядок и спокойствие внутри Франции, а также ее защиту от внешних угроз. Бонапарт вполне оправдал их ожидания» (с. 115).

Более того, на ранних стадиях формирования демократических институтов проигравшая сторона не имела гарантий безопасности. Нередко политическая конкуренция оказывалась лишь прелюдией к традиционному насилию. В работе (Норт и др., 2011, с. 343-344) читаем: «В естественных государствах терпящие поражение фракции убиваются,

---

¹⁵ Подчеркнем, что в еще большей степени достаточно высокий уровень образования необходим для формирования институтов сотрудничества большого радиуса.

изгоняются или устраниаются каким-либо иным образом. Судьба Болингброка— замечательная иллюстрация. Будучи государственным секретарем при королеве Анне (1702-1714), Болингброк стремился к уничтожению фракции вигов...». Когда виги взяли верх, Болингброк был (заочно) осужден парламентом на вечное изгнание, лишен своего титула и состояния. «Великобритания вплоть до середины XVIII в. активно ограничивала фракции, угрожая им ссылкой или даже смертью».

Внедрившийся в XVIII –XIX веках демократический механизм, основанный на правиле большинства, представлял собой лишь самый первый (впрочем, весьма важный) шаг сокращения издержек принятия общественных решений, наследуя при этом определенные черты традиционного механизма, основанного на насилии. Норт и его соавторы цитируют Вашингтона: «Поочередное доминирование одной фракции над другой, заостренное духом мести, естественным для партийных разногласий, духом, в разные эпохи и в разных странах ставшим причиной ужасных гнусностей, само по себе является ужасным деспотизмом» (Норт и др., 2011, с. 351).

Право голоса, как и доступ к образованию, оставалось привилегией подавляющего меньшинства в большинстве европейских стран вплоть до Первой мировой войны. В Британии, Австрии, Италии, Бельгии, Финляндии, Швеции, Нидерландах всеобщее избирательное право для мужчин было введено лишь в начале XX века. Во Франции и Швейцарии мужское население получило право голоса уже в середине XIX столетия, зато женщинам пришлось его ждать еще сто лет (Fukuyama, 2014, Table 6). Быстрое расширение избирательных прав приводило к негативным последствиям, о которых упоминалось выше. Но постепенное расширение было необходимо, чтобы избежать революций, порождаемых недовольством тех или иных слоев населения, поддерживаемых частью элиты, движимой идеями социальных философов. Нередко властвующая элита сама инициировала реформы в надежде привлечь на свою сторону новых избирателей.

По мере развития демократии появилась ее консенсусная форма (Lijphart, 2012) и парламентские комитеты, облегчающие достижение компромиссных решений не только в консенсусных, но и в мажоритарных демократиях. Оппозиционные партии в ряде стран стали получать финансовую поддержку государства. Благодаря уменьшению издержек политической конкуренции она все более походит на форму сотрудничества. Аналогичные процессы происходили и в сфере экономической конкуренции; они прослежены в статье Полтерович (2015), здесь я не буду на этом останавливаться.

Возникновение инновационной экономики способствовало вытеснению традиционного механизма внешнеполитической конкуренции – войны – в силу трех основных причин. Во-первых, вследствие увеличения эффективности вооружений росли издержки

вооруженных противостояний. Во-вторых, повышение уровня жизни способствовало изменению ценностных установок. В частности, выросла оценка ущерба в результате человеческих страданий¹⁶. В-третьих, появился спрос на массовое образование, что в свою очередь создало предпосылки для сознательного участия широких масс населения в политическом процессе; теперь уже объявление войны перестало быть прерогативой узкой элиты.

Дж. Леви и В. Томпсон подсчитали число жертв в наиболее крупных сражениях за 25 веков. Оказалось, что в 14 веке нашей эры число жертв, приходящихся на одно сражение, было в два раза больше, чем в 5-ом веке до нашей эры. В начале 19-го века это число снова удвоилось по сравнению с 5-ым. А в 20-ом веке оно увеличилось в 10 раз по сравнению с началом 19-го. При этом частота войн между великими державами снизилась с 22 в 16-ом веке до 5 в девятнадцатом и 5-6 – в двадцатом (Levy, Thompson, 2011, pp.6-8). За последние 70 лет подобных столкновений не было вовсе.

Механизмы экономической и политической конкуренции, обеспечив рост располагаемых обществом ресурсов, подготовили следующий этап его трансформации – переход к системе, основанной на идеологии социального мира и сотрудничества. Важнейшим шагом в этом направлении стало построение государства всеобщего благосостояния.

2.5. Формирование государства всеобщего благосостояния

К началу XX века идеология и механизмы технического прогресса в сочетании с идеологией и институтами свободной конкуренции стали играть определяющую роль в формировании государственной политики западных стран. Однако по мере роста благосостояния и массовой культуры обществом все более болезненно воспринимались негативные стороны конкурентных механизмов – высокое неравенство, безработица, кризисы перепроизводства. Особую роль сыграл кризис 30-ых годов. А приход к власти фашистов в Германии, Испании, Италии показал, что в таких условиях политическая конкуренция может приводить к победе деструктивных сил.

Вторая Мировая война консолидировала общества в странах, противостоявших фашизму, и в политическом и в экономическом отношении. Вынужденное использование централизованных механизмов распределения дефицитных благ (например, продовольственных карточек в Англии) способствовало изменению баланса сил в

---

¹⁶ Об этом свидетельствует, например, распространившаяся в XX веке традиция объявления национальных дней траура при гибели относительно небольшого по меркам прошлых веков числа граждан (в современной России – обычно более 100).

противостоянии рыночных и дирижистских идеологий. Бриггс цитирует одну из «белых книг» 1944 г., изданных коалиционным правительством Великобритании: «Это правильно (с точки зрения морали – В. П.), чтобы все граждане держались вместе независимо от статуса, должности или богатства» (Briggs, 1961, p. 13). Правительство объявляло, в частности, своими задачами борьбу с бедностью и безработицей. В это время понятие «государство всеобщего благосостояния» становится общепринятым. Оно знаменовало изменение представлений о роли власти. Необходимость сплочения во время войны заставила политиков рассматривать общество как единое целое. Социальные службы должны были заботиться не только о самых бедных, но и обо всех слоях населения. Отныне власть стремилась обеспечить всем не только минимальные, как это было в прошлом, но «приемлемые» уровни медицинского обслуживания, жилищных условий, занятости и дохода. «Таким образом, имела место тесная связь между войной и концепцией общественного благосостояния» (Briggs, 1961, p. 14). Эта концепция означала признание необходимости механизмов кооперации для того, чтобы корректировать конкуренцию, «игру рыночных сил». Повышение ответственности общества за неблагоприятные случайности, жертвой которых мог стать любой гражданин, ознаменовало начальный этап перехода к новому пониманию роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами.

Разумеется, поворот к политике всеобщего благосостояния был подготовлен длительной дискуссией, продолжавшейся в течение XIX века между сторонниками свободного рынка, отводивших государству лишь роль «ночного сторожа», и сторонниками патерналистских и умеренных социалистических взглядов на роль государства (прежде всего, фабианцев). Большое значение имело развитие демократии, появление профсоюзов и рабочих партий и стремление политиков разных направлений привлечь на свою сторону народные массы. Таким образом, политическая конкуренция способствовала смягчению последствий, а затем и ограничениям конкуренции экономической.

Одним из важных шагов по формированию государства всеобщего благосостояния следует считать введение прогрессивного налогообложения. В Англии оно было введено в 1789, а в США и в континентальной Европе получило распространение лишь в XX веке. (Westin, 2014).

Первая пенсионная система появилась в Германии в 1889. К началу Второй Мировой войны пенсионные системы функционировали уже в большинстве западных стран, причем со временем отношение пенсии к зарплате росло (Feldstein, Liebman, 2002, pp. 2254-2256).

Как отмечается в (Brown, Halsey, Lauder, Wells, 2003, p. 4), «в послевоенный период образование впервые заняло одну из центральных позиций в функционировании развитых индустриальных обществ, поскольку оно стало рассматриваться как ключевая инвестиция в обеспечении экономического роста и социальной справедливости». «В 1938 году в Великобритании только 8,4 % детей в возрасте от 11 до 18 лет посещали государственные средние школы. К 1951 году их доля возросла до 30 %, и в 1968 году – до 37 %. Расширилось и высшее образование. В 1938 году в Великобритании насчитывалось 69 тыс. студентов, к 1963 году их количество увеличилось до 215 тыс. человек, а к 1970 – это число удвоилось. ... Если в 1940 году только 2,1 % национального дохода в Англии и Уэльсе были потрачены на образование, то к 1965 году расходы на образование выросли до 4,1 % (Brown et al., 2003, p.5).

Послевоенный рост социальных расходов не был монотонным и постоянно оказывался предметом острой политической борьбы. Тем не менее, с 1960 по 2016 г. они существенно увеличились в развитых странах не только в абсолютном выражении, но и как доля ВВП (Табл. 1).

Формирование государства всеобщего благосостояния не ликвидировало деления общества на элиту и массы и, значит, экстрактивный характер действующих институтов до некоторой степени сохраняется и поныне. Тем не менее, благодаря радикальному изменению роли государства существенно уменьшились издержки экономической и

Таблица 1. Доля социальных расходов в ВВП, %

Страна	1960	2016
Франция	14,3	31,5
Финляндия	9,4	30,8
Бельгия	15,9	29,0
Швеция	12,0	27,1
Великобритания	11,2	21,5
США	6,6	19,3
Австралия	8,4	19,1
Турция	4,0 (1980)	13,5 (2014)
Мексика	1,7 (1980)	7,5 (2010)

Источники: OECD (2016), Hicks, Misra (1993), Табл. 2.

политической конкуренции для проигравших, и это создало основу для формирования механизмов сотрудничества и дальнейшего развития гражданской культуры.

Формирование государства всеобщего благосостояния было важнейшим шагом, проистекавшим из необходимости снизить издержки экономической и политической конкуренции, создав предпосылки для установления социального мира и, значит, для формирования механизмов сотрудничества. По этому же пути шло развитие базовых институтов регулирования экономической конкуренции – института банкротства и антимонопольного законодательства (Полтерович, 2015).

В 18 веке банкроты могли казнить, и вплоть до середины 19-го века законы о банкротстве в западных странах предусматривали тюремное заключение. Но постепенно законодательство стало учитывать интересы добросовестного должника и поощрять его сотрудничество с кредиторами. Были предусмотрены возможности добровольного банкротства и заключения соглашения о постепенной выплате части долга, введены механизм конкурсного управления и концепция ограниченной ответственности (Tabb , 1995; Freeman, Pearson, Taylor, 2006).

Современное законодательство о банкротстве стремится сбалансировать интересы должников, кредиторов и общества, причем исходит из приоритета общественных интересов. Поэтому временно неплатежеспособные фирмы нередко поддерживаются государством.

Аналогичную эволюцию претерпело антимонопольное законодательство. Принятый в США в 1890 г. Акт Шермана предусматривал штраф и (или) тюремное заключение до трех лет за картельные соглашения между фирмами. Законодательство ужесточалось и сохраняло «карательный» характер вплоть до последних десятилетий XX века, когда было понято, что сотрудничество между предприятиями в целом приносит обществу больше пользы, нежели вреда. Возможно, что этому способствовало повышение гражданской культуры предпринимателей, осознание социальной ответственности бизнеса перед обществом. К настоящему времени многие типы картельных соглашений разрешены, контроль за соблюдением антимонопольного законодательства возложен на сами предприятия, а бремя доказательства его нарушения перенесено на потенциального истца (Просветов, Шаститко, 2005).

В развитых экономиках значительное распространение получила монополистическая конкуренция, в рамках которой каждая фирма может сохранить свой рынок за счет дифференциации продукта. «Смягчению» конкуренции и расширению сотрудничества способствует целый ряд современных институтов, таких как частно-государственное партнерство, проектное финансирование, институт теньюра в университетах и

правительственных структурах и т. п. Важнейшую роль в этом отношении играют институты гражданского общества, такие как ассоциации предпринимателей и потребителей, профсоюзы. Эти институты все в большей мере берут на себя функции регулирования и контроля, ранее осуществлявшиеся рынком или властью (Зудин, 2009).

2.6. Развитие гражданской культуры

Решающую роль в становлении позитивного сотрудничества играет эволюция морали и гражданской культуры. Главными результатами культурных изменений в нашем контексте являются смягчение проблемы безбилетника - основного препятствия для эффективного функционирования механизмов сотрудничества - и формирование коллаборативности – качества, включающего как умение сотрудничать (кооперативность), так и стремление к кооперации с другими индивидами.

Эта тенденция ярко проявилась во второй половине XX века, хотя некоторые ее предпосылки возникли в системах морали на заре цивилизации. Важным базовым моральным принципом служило так называемое золотое правило нравственности; одна из его распространенных формулировок: «не делай другому того, чего не хотел бы для себя». Из него, в частности, следует предписание честного, добросовестного поведения по отношению ко всем людям, независимо от их групповой принадлежности (Гусейнов, 1972). Тем самым провозглашается поведенческая толерантность и осуждается оппортунизм, порождающий проблему безбилетника и выступающий одним из основных препятствий для формирования механизмов сотрудничества.

Действующая в обществе норма может поддерживаться за счет организованного насилия, социального одобрения и осуждения или благодаря интериоризации (интернализации) норм. Принуждение путем насилия требует значительных затрат, а социальное одобрение-осуждение не всегда эффективно. Интериоризация норм честности и добросовестности снижает издержки сотрудничества. Есть основания полагать, что по мере общественного развития процесс интериоризации норм, вытекающих из золотого правила, охватывает все большую долю людей и обеспечивает все более последовательное исполнение норм отдельным индивидом. Косвенно эту гипотезу подтверждает отрицательная связь между частотой нарушения моральных норм и уровнем экономического развития, измеряемым величиной подушевого ВВП (или ВНП). Такая связь обнаруживается, в частности, при межстрановых сопоставлениях индексов коррупции, в экспериментах по оценке частоты нечестного поведения, в отношении

студентов к списыванию. (См. обсуждение этого вопроса и ссылки в статье Полтерович, 2016а).

Известно, что с ростом богатства индивида увеличивается его горизонт планирования и, следовательно, повышается значимость будущего (см., например, Strulik, 2012). Снижение веса краткосрочной выгоды при принятии решений индивидами, способствует укреплению моральных норм и уменьшает вероятность оппортунистического поведения.

В ряде работ (см., например, [Das et al., 2008](#)) обнаружена высокая корреляция уровня интерактивной толерантности с душевым ВВП страны. Этот факт свидетельствует в пользу гипотезы о повышении этого уровня в долгосрочном периоде несмотря на противоречивую динамику уровня толерантности в последние 25 лет, вызванную интенсификацией миграционных процессов.

Аналогичным образом, с ростом подушевого ВВП имеет тенденцию к увеличению индекс доверия ([Nettle et al., 2011](#)).

Распространение альтруизма является наиболее мощным фактором снижения издержек сотрудничества. Склонность к альтруистическому поведению также повышается с ростом благосостояния ([Nettle et al., 2011](#), [Grueter et al., 2016](#)). Возможно, что современный альтруизм – «потомок» родственного альтруизма - включен в структуру предпочтений, так что потребление других граждан выступает как «благо», заменимое по отношению к собственным потребительским товарам. Рост собственного благосостояния повышает относительную предельную полезность благосостояния остальных, так что рост удовлетворения достигается увеличением уровня альтруизма.

В наше время важнейшим стимулом альтруистического поведения является репутация ([Wu et al., 2016](#)). Положительная оценка альтруистов характерна для мировых религий и является неотъемлемой чертой современной морали, побуждающей индивидов к сотрудничеству. В эпоху, когда сотрудничество оказывается наиболее эффективным механизмом координации, возникает позитивный цикл: альтруизм – сотрудничество – экономический рост – альтруизм.

Аналогичный механизм репутации действует и в отношении фирм, побуждая их к альтруистическому поведению. Одним из результатов является признание социальной ответственности бизнеса, представлений о том, что «корпоративные лидеры несут ответственность за воздействие их корпораций на общество и природную среду» ([D'Amato et al., 2009](#)). Осознание социальной ответственности стимулирует встраивание в механизм конкуренции механизмов сотрудничества с потребителями и другими фирмами.

Еще одной важнейшей тенденцией в развитии гражданской культуры, способствующей расширению сотрудничества в отношениях между странами, является распространение космополитизма (Delanty, 2014).

Указанные тенденции являются долгосрочными, на относительно коротких временных интервалах возможно обратное развитие в отдельных странах и даже в большинстве западных стран. Подобный краткосрочный эффект частично наблюдается в результате интенсивной миграции, вполне вероятно его усиление вследствие нынешнего противостояния США и их европейских партнеров. Однако исторический опыт заставляет предположить, что по завершении нынешнего кризиса совершенствование гражданской культуры, способствующее развитию механизмов сотрудничества, будет продолжено.

2. 7. О роли географических факторов

Выше обсуждались факторы и механизмы развития, общие для всех развитых стран. Мы не рассматривали географические факторы, которые влияли на различия между ними и в еще большей степени – между Западом и остальным миром. На заре человеческой цивилизации, как убедительно показал Даймонд, география была одним из важнейших детерминант развития континентов. Кроме того, необходимость создания систем орошения существенно влияла на процессы формирования и структуру древних цивилизаций. Широко известна теория гидравлического государства К. Виттфогеля, согласно которой ирригационное земледелие, игравшее решающую роль в экономике стран с жарким климатом и дефицитом водных ресурсов, явилось основой возникновения властных иерархий. Строительство сложных ирригационных сооружений требовало координации больших масс людей и, значит, централизации. В то же время централизованное владение ирригационной инфраструктурой давало монарху неограниченную власть над населением. Отсюда, утверждает Виттфогель, – деспотический характер этих древних государств; в качестве примеров рассматриваются Китай, Египет, Индия и др. (Wittfogel, 1957).

Теория Виттфогеля стала отправной точкой многих исследований, посвященных роли географических факторов в становлении государства (см. обзоры Галеев, 2011, Vichsel, 2016). Ряд критиков этой теории подчеркивали отсутствие синхронности между формированием централизованных государственных структур и ирригационных систем. Было обнаружено, что достаточно сложные древние системы орошения возникли без участия государства (см., например, Stride, Rondelli, Mantellini, 2009, где речь идет о

системе орошения в окрестностях Самарканда)¹⁷. Таким образом, нет жесткой связи между созданием сложных ирригационных сооружений и формированием деспотий.

Для того чтобы объяснить наблюдаемые факты, М. Мидларский предложил наряду с объемом выпадаемых осадков рассматривать второй географический фактор - долю водных границ государства. Чем больше эта доля, тем меньше опасность иноземного вторжения, а значит, меньше необходимость в жесткой централизации. Гипотеза была подтверждена на данных о выборке из 91 страны за 1973 – 1987 гг.; в соответствующих регрессиях оба фактора значимо и положительно влияют на индекс политических прав (Midlarsky, 1995).

Отметим, что государства, практиковавшие ирригационное земледелие, имели важное преимущество в предотвращении вторжений иноземцев: в их распоряжении были квалифицированные строители фортификационных укреплений. На это обстоятельство указывал сам Виттфогель.

Влияние географических факторов на современное производство подтверждается многочисленными исследованиями (см. обзор Carleton, Hsiang (2016)). В частности, в статье Burke, Hsiang, Miguel (2015) найден оптимальный уровень среднегодовой температуры – 13⁰ С. Превышение этого уровня при фиксированных контрольных переменных приводит к резкому спаду производства.

Высокая среднегодовая температура и низкое количество осадков статистически связаны с повышенными уровнями межличностного и межгруппового насилия (Carleton, Hsiang, 2016), что, очевидно, препятствует развитию механизмов позитивного сотрудничества.

Заметим, что для стран Северной и Центральной Европы, где среднегодовая температура ниже оптимального уровня, характерны консенсусная форма демократии и корпоративистская система управления (Lijphart, 2012). Было бы интересно выяснить, действительно ли эти институциональные особенности связаны с географическими факторами. Вполне вероятно, что относительно суровые природные условия стимулируют успешные страны к более быстрому формированию институтов сотрудничества.

2.8. Закат или восход?

И авторы институциональных теорий, рассмотренных в первой части работы, и Вельцель, автор культурологической концепции, считают современную западную демократию вершиной общественного развития и даже не пытаются ответить на вопрос о

---

¹⁷ Было бы интересно выяснить, при каких условиях и на основе каких социальных механизмов было возможно строительство сложных ирригационных сооружений. Кажется маловероятным, что несмотря на низкий уровень массовой культуры при их эксплуатации удавалось избегать силовых конфликтов без участия государства.

ее дальнейших перспективах. Рассмотрение этой проблемы требует выявления внутренних механизмов развития.

Фукуяма ставит этот вопрос в монографии (Fukuyama, 2014), и его ответ содержится уже в заголовке: впереди закат. Аргументы основываются на анализе системы государственного управления США. Фукуяма видит главную причину надвигающегося упадка Соединенных Штатов в неэффективной системе принятия решений, которая, по его мнению, содержит слишком много вето-игроков. Президент, две палаты парламента, федеральное правительство и правительства штатов, суд – каждый из этих институтов может воспрепятствовать выбору той или иной политики и проведению реформ.

США, по мнению Фукуямы, оказались в ловушке, в «плохом равновесии». Традиционно не доверяя правительству, граждане, с одной стороны, всячески ограничивают его власть, а с другой – отказываются платить более высокие налоги. В результате правительство работает не эффективно, а это поддерживает недоверие к нему со стороны граждан. Таким образом, недоверие к правительству становится «самореализующимся пророчеством».

Выходу из ловушки препятствуют два обстоятельства. Во-первых, описанная ситуация выгодна ряду политических игроков. Во-вторых, традиционный для США способ совершенствования системы состоит в обеспечении большей прозрачности и предоставлении избирателю больших прав контроля. Но почти все подобные реформы проваливаются, поскольку «демократическая общественность в силу своей квалификации и характера на самом деле не способна разобраться в большом числе сложных вариантов государственной политики; заполняют пустоту хорошо организованные группы активистов, которые не представляют общественность в целом. Очевидным решением этой проблемы было бы отменить некоторые из будто бы демократических реформ, но никто не посмеет предположить, что то, что нужно стране, - это немного меньше участия и прозрачности» (Fukuyama, 2014, Kindle Locations 8928-8932).

Этот анализ не кажется мне убедительным. Наличие в политической системе США большого числа вето-игроков до некоторой степени сближает ее, как фактически следует из замечаний Фукуямы, с консенсусными европейскими системами, которые, как показал Лейпхарт (автор этого термина), более эффективны, нежели мажоритарные демократии. Однако типичным примером мажоритарной демократии является Великобритания, которую Фукуяма считает образцом эффективности и противопоставляет системе США. Аргумент Фукуямы против систем, основанных на консенсусе, состоит в том, что они более затратны.

Здесь, как мне кажется, Фукуяма вслед за другими цитированными выше авторами недооценивает роль культуры. Именно гражданская культура, умение сотрудничать и достигать компромисса определяет уровень затрат, о которых идет речь. Из результатов Лейпхарта можно заключить, что в этом отношении страны консенсусной демократии превосходят США. Данный вывод частично подтверждается ранжированием стран по индексу человеческого капитала: Норвегия, Швейцария, Германия, Дания, Нидерланды занимают более высокие места, а Швеция лишь немного отстает от США, но обгоняет Великобританию¹⁸. Кроме того, консенсусные демократии основаны на представительстве, что в определенной мере предотвращает зависимость политических решений от мнения избирателей, не обладающих необходимыми знаниями.

Таким образом, закат, о котором говорит Фукуяма, характерен лишь для тех общественных систем, где не найден эффективный баланс между культурой и институтами¹⁹.

Рассматривая эволюцию государства, Фукуяма не уделяет достаточного внимания двум поворотным пунктам этой эволюции – формированию идеологии технологического и социального прогресса и возникновению концепции государства всеобщего благосостояния²⁰. Оба эти фактора определили важнейшие изменения и социально-экономической политики, и институтов, произошедшие в двадцатом веке, особенно во второй его половине. Они создали основу для постепенного замещения институтов конкуренции и власти институтами сотрудничества.

3. Заключение: на пути к миру всеобщего благосостояния

Предлагаемая концепция социально-экономического развития – философия сотрудничества – существенно отличается от четырех рассмотренных выше общих теорий в двух отношениях. Во-первых, она учитывает связи между четырьмя факторами: культурой, институтами, техническим прогрессом и уровнем благосостояния и признает важность природных условий. Благодаря этому удастся полнее описать механизмы эволюции, переходы от одной стадии развития к другой. В принципе, такой подход является естественным, вполне соответствующим духу многочисленных конкретных исследований. Надо отдать должное смелости авторов, попытавшихся максимально сузить

---

¹⁸ См. https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_Human_Development_Index

¹⁹ Следует отметить, что в ряде рассуждений Фукуяма рассматривает Данию, типичного представителя консенсусных демократий, в качестве образца эффективной политической системы.

²⁰ В работе (Fukuyama (2014), Location 437) автор указывает две движущих силы модернизации: военную конкуренцию (military competition) и социальную мобилизацию, порожденную индустриализацией. Он подчеркивает важность второго фактора для становления демократии, отмечая, что экономический рост способствовал возникновению новых социальных групп, готовых к коллективным действиям для того, чтобы добиться участия в политической системе.

множество объясняющих факторов развития. Если бы это удалось, мы получили бы гораздо более простой аппарат для дальнейшей работы.

Во-вторых, сосредоточившись на эволюции механизмов координации, мы описываем процесс развития в новых и притом более дифференцированных терминах. Рост инклюзивности, как и степени «открытости доступа» возможен за счет двух очень разных процессов - расширения конкуренции или увеличения радиуса сотрудничества. Расплывчатость, многозначность исходных понятий, характерная для институциональных теорий, сильно ограничивает возможность получения убедительных ответов на фундаментальные вопросы.

Я надеюсь, что новый подход позволил полнее отобразить структуру социально-экономической эволюции и благодаря этому выявить вероятные пути дальнейшего развития. Вместо «конца истории», будто бы наступающего в результате доминирования инклюзивных институтов или порядков открытого доступа, предлагаемая здесь теория предсказывает длительный процесс сокращения транзакционных издержек, порождаемых механизмами конкуренции и власти, при возрастании роли механизмов сотрудничества вследствие развития гражданской культуры и роста благосостояния, обусловленного технологическими и организационными инновациями.

Представляется весьма вероятным, что изменение массовой культуры, рост толерантности, альтруизма и распространение космополитизма приведут к дальнейшему развитию механизмов международного сотрудничества и построению институтов, способных обеспечить *мир всеобщего благосостояния*.

Обнищание пролетариата во времена Маркса, сопровождавшееся волнами насилия, едва не привело к реализации его пророчеств. Капитализм устоял благодаря тому, что элиты осознали необходимость отказа от части своих привилегий во имя собственного благополучия. Сегодня, когда эскалация конфликта между странами золотого миллиарда и развивающимися странами угрожает существованию человечества, развитые страны должны рассматривать задачу сокращения межстранового неравенства доходов как основу своей внешней политики. Соответствующие институты частично уже созданы.

После Второй Мировой войны элита развитых стран приступила к формированию институтов, нацеленных на предотвращение как внутристрановых, так и международных конфликтов. Было понято, что в первую очередь необходима система международной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий, эпидемий, засухи и войн. Для решения этой задачи в 1961 г. Организацией экономического сотрудничества и развития был создан Комитет содействия развитию (КСР, the OECD Development Assistance Committee). В 1970 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, согласно которой

каждая развитая страна должна постепенно увеличивать объем помощи развивающимся странам так, чтобы к 1975 г. этот объем достиг 0,7% ее валового национального продукта (см. Qian (2015)). С тех пор объем помощи вырос как за счет государственных средств, так и за счет средств частных фондов и денежных переводов, причем вторая компонента увеличивалась существенно быстрее. В 1992 г. каждый из потоков был равен примерно 100 млрд. долларов, а в 2014 г. первая компонента составляла 147 млрд., а вторая – 801 млрд., в 5,4 раза больше (The index of Global Philanthropy..., 2016, Fig. 1).

Тем не менее, достаточно скромная задача, поставленная ООН, все еще далека от своего решения: официальная помощь 28 стран, входивших в КСР в 2014 г., составила всего 0,3% их совокупного ВНД. Только пять стран – Швеция, Люксембург, Норвегия, Дания и Великобритания достигли порога в 0,7% (The index of Global Philanthropy..., 2016, Fig. 2).

Исследователи расходятся в оценке эффективности этой помощи. Сомнения возникают по двум причинам. Во-первых, местные чиновники не умеют правильно распорядиться выделяемыми средствами и, более того, присваивают их; интенсифицируя процесс поиска ренты, международная поддержка разлагающе действует на систему управления. Во-вторых, «иностранный помощь часто определяется целями стран-доноров, а не потребностями стран-получателей» (Qian, 2015).

Последнее замечание относится и к другому виду международной поддержки – предоставлению развивающимся странам кредитов и консультационных услуг. Об этом прямо пишет Дж. Стиглиц: «Имеется ... широкий консенсус о том, что международные экономические институты установили несправедливые правила игры... и навязали провальную политику развивающимся странам, которые зависимы от этих институтов...» (Stiglitz, 2008, p. 53).

Тем не менее, ряд исследований показывает, что международная помощь способствует экономическому росту развивающихся стран. В частности, в Galiani et al. (2014) подчеркивается особенно важная роль физических инвестиций. В недавней работе Arndt, Taq (2016) авторы утверждают, что в долгосрочном периоде положительную роль играют также и вложения в человеческий капитал.

К сожалению, нынешняя международная обстановка не позволяет надеяться на быстрое расширение помощи западных стран остальному миру. Однако рано или поздно будет понято, что этой политике нет альтернативы. Краткосрочный государственный эгоизм должен уступить место стратегии создания мира всеобщего благосостояния (welfare world), поскольку, только сблизив уровни развития разных стран, можно надеяться на расширение сотрудничества между ними для решения проблем, стоящих перед мировым

сообществом. Одна из таких проблем – сохранение окружающей среды. Географический фактор, игравший столь важную роль на этапе становления человеческих сообществ, снова обретает первостепенное значение, способствуя формированию институтов мирового сотрудничества.

Литература

Аджемоглу Д., Д. А. Робинсон (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. АСТ, Москва, 402 с. (Оригинал издан в 2012 г.).

Арсланов В.В. (2016). География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона (научный доклад). М.: ИЭ РАН. 56 с.

Балацкий Е. В. (2017). Концепция инклюзивных институтов и ее приложения. Общественные науки и современность. №2, 143- 156.

Балацкий Е.В, Н.М. Плискевич (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события. Мир России, №4, 97-117.

Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ». 404 с. (Оригинал издан в 2013 г.).

Волков С. В. (2017). Элитные группы традиционных обществ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 352 с.

Галеев К. (2011). Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика. Социологическое обозрение. Т. 10. № 3, 155-179.

Гусейнов А.А. (1972). Золотое правило нравственности. Вестник МГУ. Сер. Философия. 1972, № 4.

Даймонд Джаред М. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. «АСТ», 393 с. (Оригинал издан в 1997 г.).

Заостровцев А. П. (2013). Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима. Общественные науки и современность, №4, -.

Заостровцев А. П. (2014). История по Асеомглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста. Общественные науки и современность, №3, 32-43.

Зудин А.Ю. (2009). Ассоциации – бизнес – государство. Классические и современные формы отношений в странах Запада. Препринт WP1/2009/053. М.:ГУ-ВШЭ. 65 с.

Карнейро Р. Л. (2006). Было ли вожество сгустком идей? В кн.: Гринин и др. (ред). Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. Волгоград: Учитель. С. 211–228.

Кирдина С.Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике. *Пространственная Экономика*. № 3. С. 133—150.

Кулишер И.М. (1922). Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Ч. II. Петроград: Центральное кооперативное издательство “Мысль”.

Натхов Т.В., Л.И. Полищук (2017а). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Часть I. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор. *Журнал Новой экономической ассоциации*, №2 (34), 12–38.

Натхов Т.В., Л.И. Полищук (2017b). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson «Why Nations Fail». Часть II. Институциональная динамика и выводы для России *Журнал Новой экономической ассоциации*, №3 (35), 12–32.

Непомнин О.Е. (2005). История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX в. М.: Восточная литература, 2005, 712 с.

Норт Д., Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 479 с. (Оригинал издан в 2009 г).

Норт Д., Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 48 с.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. 447 с.

Полтерович В. М. (2014). Почему реформы терпят неудачу. *ЖНЭА* №3(23), 169-173.

Полтерович В.М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. 41-64.

Полтерович В. М. (2016а). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции. *Вопросы экономики*, №11,1-19.

Полтерович В.М (2016b). Институциональные реформы и гражданская культура. *Историческая и социально-образовательная мысль*, Т. 8, № 2-2, 225- 238.

Полтерович В. М. (2016с). Институты догоняющего развития. (К проекту новой модели экономического развития России). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Вып. 5 (47), 34-56.

Полтерович В. М. (2017а). На пути к общей теории социально-экономического развития. Предисловие к книге Кристиана Вельцеля «Становление свободы». В кн.: Вельцель К. (2017). *Рождение свободы*. М.: АО «ВЦИОМ», с. 6-14.

- Полтерович В. М. (2017b). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология. ЖНЭА, № 3 (35),
- Полтерович В. М. (2017с). Толерантность, сотрудничество и экономический рост. Вопросы экономики, № 11.
- Просветов В., А. Шаститко (2005). Анализ действующего в РФ антимонопольного законодательства и сравнение с современным правом ЕС, возможные пути повышения эффективности его применения в России. Анализ антитрастового законодательства и правоприменения в ЕС. М.: РЕЦЭП. 65 с.
- Родс П. Дж. (1998). Афинская демократия. В кн.: Античность и средневековые Европы. Межвузовский сборник научных статей. Пермский ун-т, 1998. С. 40—52. (Цитируется по тексту: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1334878858>)
- Чубарьян А. О., В. С. Мирзеханов (ред.) (2014). Всемирная история. В 6 томах. Том 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Издательство "Наука", 939 с.
- Acemoglu D., J. A. Robinson (2016). Paths to Inclusive Political Institutions. In: Jari Eloranta, Eric Golson, Andrei Markevich, Nikolaus Wolf (eds.) Economic History of Warfare and State Formation. London: Springer, 3-50. (см. также <https://economics.mit.edu/files/11338>).
- Arndt C., S. Jones, F. Tarp (2016). What Is the Aggregate Economic Rate of Return to Foreign Aid? *The World Bank Economic Review*, Vol. 30, Issue 3, 446–474.
- Bichsel C. (2016). Water and the (infra-) structure of political rule: A synthesis. *Water Alternatives* 9(2), 356-372.
- Birch J., S. Okasha (2015). Kin Selection and Its Critics. *BioScience*, Vol. 65, Issue 1, 22–32. <https://doi.org/10.1093/biosci/biu196>
- Briggs A. (1961). Welfare State in Historical Perspective. *European Journal of Sociology*. Vol. 2, Issue 2, 221-258. (Цитируется по электронной версии: http://www.econ.boun.edu.tr/content/2015/summer/EC-48B01/Lecture%20Note-3_Briggs_2006-06-29-2015.pdf).
- Brown Ph., Halsey A. H., Lauder H., Wells A. S. (2003). The transformation of education and society: an introduction. In: Ph. Brown, A. H. Halsey, H. Lauder, A. S. Wells (eds). Education, culture, economy and society. N. Y.: Oxford University Press. P. 1-44.
- Bunch B., Hellemans A. (2004). The history of science and technology. Houghton Mifflin company, Boston – New York. <http://www.biyoloji.egitim.yyu.edu.tr/ders/btpdf/hst.PDF>
- Burke M., S. M. Hsiang, E. Miguel (2015). Global non-linear effect of temperature on economic production. *Nature*. doi:10.1038/nature15725
- Carleton T. A., S. M. Hsiang (2016). Social and economic impacts of climate

Science, 353(6304). <https://escholarship.org/uc/item/2vz2d2zz>

Chang H.-J. (2003). *Kicking Away the Ladder: development strategies in historical perspective*. London: Anthem Press.

D'Amato A., Henderson S., Florence S. (2009). *Corporate social responsibility and sustainable business. A guide to leadership tasks and functions*. Center for Creative Leadership. Greensboro, North Carolina: CCL Press.

Das J., C. DiRienzo, Th. Tiemann (2008). A global tolerance index. *Competitiveness Review: An International Business Journal*, Vol. 18, Issue 3, 192-205.

Delanty G. (2014). The prospects of cosmopolitanism and the possibility of global justice. *Journal of Sociology*, Vol. 50, No. 2, pp. 213–228.

Diamond J. (2012a). What makes countries rich or poor? *New York Review of Books*. June 7.

Diamond J. (2012b). Reply to the Letter to the Editors by Daron Acemoglu and James A. Robinson. *New York Review of Books*. August 16

Feldstein M, J. B. Liebman (2002). Social security. In: A.J. Auerbach and M. Feldstein (eds.). *Handbook of Public Economics*, Vol. 4, Chapter 32, Amsterdam: Elsevier Science B.V. 2245-2324.

Freeman M., R. Pearson and J. Taylor (2006). The limitation of liability in British joint-stock companies, 1720-1844. XIV International Economic History Congress, Helsinki. (<http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers2/Pearson.pdf>).

Fukuyama F. (2012). Acemoglu and Robinson on Why Nations Fail. *The American Interests*. <https://www.the-american-interest.com/2012/03/26/acemoglu-and-robinson-on-why-nations-fail/>

Fukuyama, Francis (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. Profile. Kindle Edition.

Fukuyama F. (2014). *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 658 pp. (Цитируется по Kindle Edition).

Gabor A. (2005) *Guns for the Sultan: Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Galiani S., S. Knack, L. C. Xu, B. Zou (2014). The Effect of Aid on Growth Evidence from a Quasi-Experiment. Policy Research Working Paper 6865. The World Bank. 53 pp.

Grueter Cyril C., Jesse A. Ingram, James W. Lewisson, Olivia R. Bradford, Melody Taba, Rebecca E. Coetzee, and Michelle A. Sherwood (2016). Human altruistic tendencies vary with both the costliness of selfless acts and socioeconomic status. *PeerJ*. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5088574/>

Hicks A. and J. Misra (1993). Political Resources and the Growth of Welfare in Affluent Capitalist Democracies, 1960-1982. *American Journal of Sociology*, Vol. 99, No. 3 (Nov.), pp. 668-710.

Levy J. S. and W. R. Thompson (2011). *The Arc of War : origins, escalation, and transformation*. Chicago: University of Chicago Press. 281 pp.

Lijphart A.(2012). *Patterns of democracy. Government forms and performance in thirty-six countries*. Second ed. New Haven: Yale University Press.

Masse P. (1965). The French Plan and Economic Theory. *Econometrica*. Vol. 33, No 2.

Midlarsky M. I. (1995). Environmental Influences on Democracy. Aridity, Warfare and a Reversal of the Causality Arrow. *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 39, No. 2, 224-262.

Mokyr J. (2016). *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*, Presidential Address. Atlantic Economic Association.

Mokyr, J. (2005). *The Great Synergy: the European Enlightenment as a Factor in Modern Economic Growth*, Northwestern University²¹.

<https://pdfs.semanticscholar.org/cff8/3056fab568f5085024a918df813a7661a28a.pdf>

Nettle D., Colle'ony A., Cockerill M. (2011) Variation in Cooperative Behaviour within a Single City. *PLoS ONE* 6(10): e26922. doi:10.1371/ journal.pone.0026922.

<http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0026922&type=printable>

Ober J. (2015) *The Rise and Fall of Classical Greece*, New York: Penguin.

OECD (2016). http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SOCX_AGG

Qian N. (2015). Making Progress on Foreign Aid. *Annual Review of Economics*. Vol. 7, 277-308.

http://www.kellogg.northwestern.edu/faculty/qian/resources/Aid_20140816_FINAL.pdf

Sen G., 1984. *The Military Origins of Industrialization and International Trade Rivalry*. London: Frances Pinter.

Stiglitz J. E. (2008). Is there a Post-Washington Consensus Consensus? In: N. Serra and J. E. Stiglitz (eds). *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*. Oxford: Oxford University Press, 41–56.

Stride, S., B. Rondelli, S. Mantellini (2009). Canals versus horses: Political power in the oasis of Samarkand. *World Archaeology*, Vol. 41, Issue1, 73-87.

Strulik H. (2012). Patience and prosperity. *Journal of Economic Theory*, Vol. 147, pp. 336–352. (см. также: http://diskussionspapiere.wiwi.uni-hannover.de/pdf_bib/dp-426.pdf).

---

²¹ Статья опубликована в сборнике: W. Dolfsma , L. Soete (Eds.) (2006). *Understanding the Dynamics of a Knowledge Economy*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing Limited, 1-41.

The index of Global Philanthropy and Remittances 2016 (2016). Washington, DC: Hudson Institute, 45 pp.

Tabb C. J. (1995). The History of the Bankruptcy Laws in the United States. *ABI Law Review*. Vol. 3:5, 5-51.

Thies C. G. (2012). War and the Middle Eastern State. Paper prepared for the IPSA World Congress, Madrid, Spain, July 8-12, 2012. http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_9578.pdf

Westin R. A. (2014). The historical origins of progressive taxation. *The Journal Jurisprudence*, № 23, 203-241.

Wittfogel K. A. (1957). *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven, London: Yale University Press. 556 pp.

Wu X., Yao J. (2012). Understanding the rise and decline of the Japanese main bank system: The changing effects of bank rent extraction. *Journal of Banking & Finance*, Vol. 36, No. 1, 36-50.